

Андрей КИВИНОВ

ОПЕРЕ ЖААА ВЫСТРЕЛ

КОНТРСНАЙПЕР

Опережая выстрел

Андрей Кивинов

Контрснайпер

«Автор»

2011

Кивинов А. В.

Контрснайпер / А. В. Кивинов — «Автор», 2011 — (Опережая выстрел)

ISBN 978-5-17-075405-2

Сюда возьмут не каждого, здесь свои традиции и свои законы. Свои правила приличия и понятия о долге. Отряд милиции специального назначения, или просто СОБР. Они умеют все, они не знают слова «невозможно», и лучше не вставать на их пути. Они действуют со скоростью пули и бьют без промаха. И кому, как не им, известно – что быстрее выстрела и поражает гораздо сильнее... Нет оружия, способного опередить любовь... Он мечтает попасть в спецназ. А мечты сбываются. Хотя и самым непредсказуемым образом. Но мечта – одно, а реальность – немножко другое. И первое же задание заканчивается катастрофой. Она обладает редкой профессией. Ее мастерство спасло не мало жизней, но превратило в кошмар собственную. Но они не отступают. Ведь они – офицеры СОБРа.

ISBN 978-5-17-075405-2

© Кивинов А. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Голикова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Кивинов

Контрснайпер

© А. Кивинов, 2011

© ООО «Астрель СПб», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Голикова

2010 год

Северный Кавказ

Пуля летела с востока на запад, сверху вниз, на фоне лазурного неба с белыми барашками облаков. С ветерком промчалась вдоль горных зеленых склонов, почти вплотную подступавших к лагерю сводного отряда милиции, прошла трехцветный российский флаг, вверх ногами реявший над зданием штаба, просвистела рядом с бельем, развешенным Асият накануне вечером, и, наконец, достигла цели – правого бедра капитана Ковригина, нарушив и без того хрупкий баланс сил Добра и Зла.

Асият, невысокая, худощавая дагестанка лет тридцати пяти, в длинном платье и в платке, из-под которого выбивались иссиня-черные, но уже тронутые сединой волосы, увидела, как капитан, находившийся буквально в пяти метрах от нее, рухнул на траву и начал кататься по земле, схватившись за ногу. Судя по его воплям, ощущения, которые он испытывал, язык не повернется назвать приятными.

Из здания бывшего детского санатория выскочили несколько бойцов, из хозяйственной пристройки – командир отряда подполковник Новиков.

– А, черт... – Начальник предусмотрительно упал на землю и заорал остальным: – Данилюк, куда прешь?! Назад!.. Назад, я сказал! Все в укрытие!!!

Двое или трое бойцов метнулись в здание, тут же вынырнули с автоматами в руках и, пригибаясь, устремились к амбразурам, устроенным в бруствере из мешков с песком. Следом выскочили еще человек пятнадцать, и через несколько секунд все кругом утонуло в беспорядочной пальбе.

А Ковригин с крика перешел на хрип – голосовые связки не железные.

Асият схватила огромный эмалированный таз и, прикрываясь им, бросилась к Ковригину.

– Куда?! – заорал Новиков, выдергивая чеку из дымовой гранаты. – Нельзя туда! На кухню давай!

Но Асият его не слышала. Или не слушала. Она уже почти добежала до «уазика», когда вторая пуля, цвикнув у самой ее головы, пробила лобовое стекло машины. Женщина упала рядом с раненым и прикрыла его импровизированным щитом.

Новиков размахнулся и швырнул гранату прямо в центр площадки. Снова рухнул на землю и быстро пополз вперед. Через несколько секунд все вокруг заволгло непроницаемой дымовой завесой, и под ее прикрытием они вдвоем с Асият затащили хрипящего Ковригина на кухню.

– Ты что, смерти ищешь?! – кричал подполковник, перетягивая жгутом бедро раненого. – Сто раз повторял: при обстреле не высываться! Он только и ждет, чтобы кто-нибудь на помощь побежал... Терпи, Олег, терпи... Сейчас укол сделаю... Специально ведь, сволочь, в бедро стреляет...

– Зачем? – не поняла Асият.

– Затем, что человек орет тогда как резаный. И кровью истечет. А побежишь спасать – тоже пулю получишь. Только уже в башку! И ты получить могла! Промахнулся, слава богу... Так что сегодня, можно считать, твой второй день рождения.

– У нас здесь, Илья Степанович, – криво усмехнулась Асият, – этих вторых дней рождения по десятку на каждого. Все отмечать – денег не хватит...

Командир сделал укол, Ковригин перестал орать, но не прекратил материться, несмотря на присутствие дамы.

На кухню ввалился опер Володя Пониматкин. С автоматом на шее, из которого только что впустую расстрелял по горам два рожка.

– Что, опять в бедро?

– Нет, блин, в задницу!.. – Новиков метнул бешеный взгляд в сторону видневшегося через окошко кухни склона горы. – Сейчас бери человек десять и дуйте туда. Прочешите все. Хоть следы какие постарайтесь найти. Трава, может, где примята, гильза, окурок... Что-то же должно остаться!

Пониматкин согласно кивнул и сочувственно поглядел на не очень веселого Ковригина.

– Вообще-то визирование можно попробовать сделать, – предложил он. – Тогда сектор поиска точнее определится.

– Вот и займись. Твоя работа, в конце концов... Пончику скажи, чтобы помог, – его машина. А заодно пусть проверит, все ли с ней в порядке. Если нет – срочно в ремонт. Отвезем Ковригина в госпиталь, заодно в штаб загляну. Надо с этим стрелком кардинально решать, пока нас всех тут не укокошили. Да, пулю в машине поищите!

Новиков вышел из кухни, повернулся в сторону бруствера, откуда все еще раздавались автоматные очереди, и с досадой сплюнул. В снайпера все равно не попадут, а мирных мусульман, собирающих хворост, покалечат запросто. Вместе с их ишаками. А то и вообще к Аллаху отправят. И что было сил проорал:

– Хорош палить!!! Всех сусликов распугали!

* * *

Город Юрьевск, Россия

Эту фотографию Ирина почему-то оставила. Другие сразу после случившегося порвала и выбросила, а эту – нет. Рука не поднялась. Так и хранится в серванте за стеклом, уже двенадцать лет. Здесь они с Алей Ахатовой и Галкой Куклевой, совсем юные, стоят, обнявшись, на верхней ступеньке пьедестала почета. Студеный ветер треплет их распущенные волосы, а они радостно улыбаются. Счастливый миг победы...

Ирина на снимке – в середине. Она тогда в индивидуальной гонке первая пришла, с отличным временем. И промах допустила только один – в стойке, на последнем рубеже. Шло формирование женской сборной по биатлону на Олимпиаду, и каждая такая победа приближала спортсменов к заветной цели.

Ей везло. За месяц до того, в Ханты-Мансийске, стала второй по общему зачету, да и в Тюмени все складывалось более чем удачно. Сразу после награждения руководитель федерации сказал, что, если послезавтра, в спринте, она придет в первой шестерке, путевка в Нагано – у нее в кармане.

Но на Олимпиаду Ирина не попала. Та спринтерская гонка стала в ее спортивной карьере последней.

До финиша оставалось меньше километра. Отстрелялась она без промахов, и теперь, судя по ее собственному времени и по результатам соперниц, которые тренеры постоянно передавали по дистанции, должна была прийти второй. Ну, как минимум, – третьей. Вполне достаточно, и можно было особо не надрываться. Но Ирину вдруг обуял азарт. Она уже видела спину шедшей впереди соперницы и решила обойти ее по виражу на спуске. И...

На языке медицины это называется «разрыв передней крестообразной связки коленного сустава». Вещь для спортсменов обыденная, и от нее, как сказал доктор Ватсонов, оперировавший Ирину в Москве, в ЦИТО, еще никто не умер и инвалидом не стал. «Так что жить будешь, Ирина Леонидовна, и даже на лыжах через пару месяцев сможешь кататься в свое удовольствие. Но о большом спорте – увы! – придется забыть». Да... Победителем областных

соревнований она, конечно, стать еще сможет, но... не более. Нагрузку «сборника» с такой травмой не потянуть. Исключено категорически. Точка без запятой.

А чуть позже тот же доктор привел к ней в палату незнакомого мужчину – лет сорока пяти, но уже совсем седого. Ирина сначала подумала, что пришли на тренерскую агитировать, и, когда визитер представился и показал служебное удостоверение, страшно удивилась. А сделанное им предложение и вовсе застало врасплох. Потом были долгие дни раздумий, собеседований. Наконец она приняла решение... Пожалела ли она об этом потом? Она об этом не думала. В конце концов, это был для нее оптимальный вариант – найти применение всему тому, чему она посвятила столько времени и сил.

От созерцания фото оторвал звонок мобильного.

– Ир, привет! – ударил в ухо бархатный баритон оперативника Лешки Быкова. – Собралась уже?

– Собираюсь.

– А-а-а... Слушай, тут такое дело... Меня приятель на день рождения пригласил. Сегодня, в семь. Не составишь компанию? Я привезу, отвезу...

– И в качестве кого я туда пойду?

– Глупый вопрос. Ты девушка свободная, я – уже три месяца холостяк.

– Ага, и пора, стало быть, на второй круг.

– Да ладно тебе... Сколько теперь не увидимся?

– Риторический вопрос, Лёша. Ты же в курсе...

– Да, конечно... – погрузнел голос в трубке. – Но все равно, возвращайся скорее. У тебя когда поезд?

– Утром, в семь сорок пять.

– Так, может, на вокзал подбросить? До службы успею.

– От меня до вокзала пешком пятнадцать минут.

– А багаж?

– Хорошо, – сдалась Ирина. – Тогда в семь жду.

– Замётано, – повеселел Быков. – Нине Михайловне поклон. До встречи!

Ирина отложила телефон и посмотрела на рядок плюшевых зверушек, сидевших на комод: Лиса, Лев, Кабан, Слон, Носорог, Рысь, Лось, Волк... Потом пробежала взглядом по разложенным на тахте вещам. Несколько платьев, пара блузок, юбка, спортивный костюм, нижнее белье... Вроде ничего не забыла. Да, и самое главное...

Оглянувшись на дверь, она нагнулась и извлекла из-под тахты длинную коробку с этикеткой «Спагетти». Но в этот момент послышались шаги в прихожей, и она едва успела затолкать ее обратно.

В комнату вошла мать, поставила на пол пустой чемодан и присела в кресло.

– Вот, протерла.

– Спасибо, мам.

– Прости, если тебе это надоедает, но... Я ведь – как мама Юрия Деточкина. Та не понимала, какие могут быть командировки у страхового агента, а я не понимаю, какие могут быть командировки у инспектора вещевой службы. Может, просветишь?

– Я уже говорила: обычные курсы повышения квалификации. Новую систему отчетности будем изучать.

– Ты уже столько раз повышала квалификацию, что тебя впору назначать министром внутренних дел. А другим в вашем СОБРе квалификацию повышать не надо?

– Другие тоже ездят.

– И тоже обманывают своих матерей?... Да что я такого сказала? – отреагировала она на странный взгляд дочери. – Но интересно, зачем тебе на курсах повышения квалификации памперсы для взрослых?

Нина Михайловна кивнула на лежавшую среди прочих вещей упаковку с надписью «Hartmann».

– Мам, это не моё... У... У Толи Репина жена бизнесом занимается. Узнала, что я в Москву еду, и... – Ирина перехватила недоверчивый взгляд матери, запнулась и опустила глаза. – Просила передать своим партнерам образцы...

Нина Михайловна грустно улыбнулась:

– Я не осуждаю тебя. Понимаю, ты заботаешься обо мне. Только знай: если на этих твоих... *курсах*... с тобой что-то случится, я не переживу. У меня ведь больше никого. Думала, хоть внуки будут, так откуда им взяться, если даже Игорь с тобой жить не смог...

– Мама, ну зачем ты снова?..

– Так ведь тебе уже тридцать пять! У твоих одноклассниц дети в школу бегают, а ты сама никак не повзрослешь. По командировкам мотаешься, да вон – в игрушки играешь... Не успеешь оглянуться, как пятьдесят стукнет...

Нина Михайловна грустно посмотрела на плюшевых зверушек, поднялась и вышла из комнаты.

Ирина начала укладывать вещи. Процесс, отработанный до автоматизма. Но на всякий случай еще раз сверилась по списку.

Закрыв чемодан, перевела взгляд на свой «зоопарк». Лиса, Лев, Кабан, Слон, Носорог, Рысь, Лось, Волк... Они – всегда здесь, каждый на своем месте. Менять местами – нельзя. Они – знают, куда и зачем она едет. И будут ее ждать.

Уезжая, она всегда вот так с ними прощалась. Потому что с того самого дня, когда она поставила на комод первую фигурку, – сразу почувствовала к ней странное отношение. И не смогла подобрать для него слова. Фигурка – или это было что-то иное, с ней связанное? – стала как бы частью ее самой. Когда появилась вторая, это ощущение повторилось, но оказалось несколько другим. Так же – и с третьей. Потом она как будто привыкла. Но в последнее время что-то стало не так. И временами она ловила себя на том, что мысленно разговаривает с ними. С каждой фигуркой – отдельно. И они ей – что-то отвечают. Не как звери... Да и какие они звери? Рога и зубы – мягкие, а глаза... Какие могут быть глаза у детских игрушек? Потешные, добрые... Поначалу она даже встревожилась: крыша, что ли, едет? Но такие разговоры можно было прекратить сразу, и она, в общем, успокоилась. И все же что-то изменилось. Особенно – перед этой командировкой. Что?..

Ирина тряхнула головой и поднялась с тахты.

* * *

Северный Кавказ

Моздок встретил проливным дождем. «Хороший знак, к удаче», – успокоила себя Ирина. Не то чтобы она была суеверной, но иногда разрешала себе поверить в приметы – так, для разнообразия. А в ее деле удача – дополнение не просто приятное, а необходимое.

Она сошла на платформу, прикинула, куда бы спрятаться от дождя.

– Вы Ирина? – Над ней как по волшебству раскрылся гламурный, маскировочной раскраски зонт. – Я – Володя Прошкин, и мне велено доставить вас в часть. Меняю зонт на ваши вещи. Согласны?

Круглое лицо расплылось в улыбке.

«На мою панду чем-то похож», – подумала Ирина, отдавая чемодан и коробку. Она порой развлекалась, подмечая в человеке сходство с тем или иным животным. Развлечение помогало и в работе – развивало зрительную память. А этот Володя – полноватый, весь такой на вид мягкий и уютный – и впрямь напоминал ленивого и добродушного медвежонка.

Но уже через пять минут она засомневалась в своей оценке – медвежонок трещал без умолку. И пока шли до машины, и когда тронулись с места, и потом всю дорогу. Впрочем, Ирину это не раздражало. Напротив – разглядывая проносившийся за стеклом пейзаж, она получила попутно массу полезной информации. И еще больше – бесполезной.

Володя оказался земляком, работал в Юрьевске водителем, в Промышленном РУВД. В командировку на Кавказ напросился сам, и это у него уже четвертая ходка. Жена с двухлетним сынишкой и собакой дома, он – единственный добытчик, так что «боевые» – неплохое подспорье. В отряде его прозвали Пончиком, за комплекцию. Но он на дураков не обижается. Это у него конституция такая, а так ест он совсем не много.

– А это откуда? – Ирина кивнула на отверстие в лобовом стекле. – Камень?

– Пуля-дура. Да вы не пугайтесь. Это... давнишнее. Сейчас тут спокойней. Не то что лет пять назад... – И снова зататорил: – В некоторых отрядах мужики даже дуреют со скуки. Мы вот недавно на птицефабрику ездили – есть тут такая, двенадцать кмэ от расположения. Сейчас, конечно, не фабрика уже, а одно название, но приказано охранять. Там ОМОН стоит, из Белгорода. Ну, мужики в отряде попались с руками и часть инкубатора отремонтировали, представляете? Тоже от скуки. Зато у них теперь и свежего мяса вдоволь, и яйца – свои... Ну, то есть...

– Понятно, – улыбнулась Ирина, разглядывая приближавшиеся отроги Терского хребта.

– Да. А тут повадился к ним кот бродячий, цыплят по ночам таскать, – продолжил Прошкин. – Причем он, гад такой, их не жрал, а только душил. Спортсмен, блин! Так мужики обозлились, выставили засаду с прибором ночного видения и накрыли этого паразита с поличным. Сначала хотели расстрелять – по законам военного времени, как мародера. Но потом жалко стало. Животное ведь безмозглое, не ведает, что творит... Короче, вместо расстрела побрили его наголо и покрасили люминесцентной краской. В разные цвета. Представляете? Если куда крадется – за версту видно. Куры такой гвалт поднимают, что уже не до охоты. Он теперь на кухне побирается...

Пончик ловко обогнул невесть откуда взявшийся на дороге большой камень и снова зататорил:

– А в соседнем отряде другую развлекуху придумали. Отловили в горах десятка два черепах, номера им на панцири намалевали и гонки устраивают. По-взрослому, с тотализатором. Трассу даже специальную соорудили, вроде «Формулы-1», чтоб черепахи с дистанции не сходили.

– Тебя послушать, так здесь прям курорт, – усмехнулась Ирина.

– Да не, не курорт, конечно... Был бы курорт, так сюда бы не милиционеры ездили, а миллионеры... А все равно непонятно иной раз, какого черта мы тут делаем! Встали в чистом поле и охраняем сами себя. А не стояли бы, так никто б, может, и не нападал... О, смотрите, Аслан!

Впереди на дороге показался кавказец с небольшим осликом, по бокам которого качались два здоровенных тюка с травой.

– Здорово, Аслан! – опустил боковое стекло, поравнявшись с ними, Прошкин. – Куда тебе столько анаши? Угости!

– А, Володя... Здравствуй! Какая анаша? Трава обычная...

– Шучу я... Ты там насчет моей просьбы не забыл?

– Помню, Володя. Всё будет.

– Ну, пока!

Пончик дал газу, и машина снова запрыгала по ухабам грунтовки.

– Кто это? – Ирина проводила взглядом кавказца.

– Аслан. В селе живет, неподалеку. Бизнесмен, по-здешнему, крупный. Два раза в неделю лавку у нас в лагере открывает. Всем торгует, от семечек до камуфляжа. Семечки, кстати, у

него хорошие – крупные, и жарит вкусно. И заказать можно что-нибудь, если надо. Мыло там, пасту зубную, станки бритвенные... Опять же водку, наркотики... Шучу! Водки у нас и так хватает. Жена его, Асият, тоже у нас подрабатывает: прибирается, белье стирает. Степаныч ей приплачивает кое-что из внебюджетных расходов. Хотели попросить, чтоб и еду заодно готовила, да командование не разрешает местных на кухню привлекать. Типа, отравят... А вы правда раньше в ресторане работали?

– В ресторане? – переспросила Ирина и поспешила скрыть удивление. Не стоило трудов – водитель был увлечен собой и дорогой. – Кто это тебе сказал?

– Командир.

– Ну да, работала... – сориентировалась Ирина. – В итальянском. «Дольче вита». Сладкая жизнь то есть.

– Класс! Теперь хоть поедим по-человечески. А то у нас Юрка Уткин кашеварит. Тот еще специалист... Макароны в холодную воду кидает. А у меня свояк – коллега ваш, тоже повар. Только он не в итальянском ресторане работает, а в мексиканском. В начале года даже в Мексику ездил, учился. Много чего интересного рассказывал... Из Москвы улетали – минус тридцать, а туда прилетели – плюс двадцать. Зима называется... А летом еще жарче. Вот и у нас тут сейчас – как в Мексике, только что кактусы не растут. Свояк показывал кактусы на фотках. Красиво! До двадцати метров вырастают, представляете? Из них самогонку делают. Текилу, в смысле. А разбойничают там – круче чем здесь. Стоишь на светофоре, а к тебе хлопцы с автоматом и – попробуй стекло не опустить, разнесут на хрен! Глаз да глаз... Или взять, например, такси. Сядешь не в то – там они цвета особого, маленькие такие кебики, зеленые, кажется, – и всё, кердык! Хорошо, если только наличность отберут, а то и грохнуть могут. Не расслабишься, короче. А вы в Мексике бывали?

– Нет, может, потому и жива еще. Такой экстрим – не для меня...

Прошкин, не снижая скорости, лихо объехал заградительные надолбы и резко затормозил перед пропускным пунктом.

– Отворяй, собака! – весело крикнул он, высовываясь из кабины. – Сладкую жизнь везу! Шеф-повара!

Часовой поприветствовал взмахом руки и поднял шлагбаум.

Возле дверей бывшего санатория их уже поджидал подполковник Илья Степанович Новиков. Он старомодно подал Ирине руку, и она на миг почувствовала себя принцессой, выпархивающей из кареты беззаботно и легко, как в сказке.

– Ирина Леонидовна, если не ошибаюсь? Здравствуйте!

– Она самая...

– С приездом. Чайку с дороги?

– Спасибо, не откажусь.

– Тогда проходите ко мне, располагайтесь, а я сейчас быстренько распоряжусь... Володя, вещи Ирины Леонидовны пока ко мне занеси!

Ухватив одной рукой чемодан, а другой – коробку, Прошкин послушно потянул поклажу из машины. И вдруг присвистнул.

– Ого! – повернулся он к Ирине. – Вот это макароны... Они не из железа, часом?

– Из спирта.

– Понимаю. Не самогонкой же проверяющих из Ханкалы поить!

– Слушай, Прошкин, давай без комментариев, – осадил подчиненного Новиков.

Пончик занес багаж в здание, поставил возле дверей командирского кабинета и, кивнув Ирине, вышел.

Новиков распахнул дверь, прислушался, нет ли кого в коридоре, и сказал вполголоса, уже без официоза, душевно:

– Ну, Ириша, вот теперь здравствуй! Заждались тебя... Нормально добралась?

– Нормально, Илья. Без приключений. Вы флаг по случаю моего приезда вывесили? Теперь можно снять.

– Он тут всегда висит... – не оценил командир шутки. И вдруг переменялся в лице: – Черт, я сразу-то и не подумал... Сейчас скажу кому-нибудь.

– Нет, не сейчас! – остановила его Ирина. – Тот, кто соображает, сразу срисует, *что* за «повар» к тебе приехал. И вообще перевесьте его куда-нибудь повыше. Мачту специальную соорудите, что ли...

– Ах, ты в этом смысле... А я думал, что он – вверх ногами... Хорошо, дам команду. На, пей чай пока. – Новиков опустил в стакан чайный пакетик и налил кипятка. – Сахар сама клади, вот, в баночке. А я тебя в курс введу... Знаем мы, собственно, маловато. Работает, гад, с восточного склона, и только по утрам. Из-за солнца, надо полагать. Грамотно работает! Подстрелит кого-нибудь в ногу и ждет, кто на помощь кинется. Прием у них такой. В результате – двое убитых, трое раненых. Последний раз отметился на прошлой неделе. Эдика Ковригина подстрелил. Обошлось, слава богу, но хромать парень будет всю оставшуюся жизнь. Пробовали лёжку отыскать, но без толку. Хотя прочесывали с душой. И даже с металлоискателем. Засаду пару раз устраивали, потом бросили: стоит группе из лагеря выехать, и через пять минут вся округа знает. Он, естественно, не высовывается. А ночью в горы не сунешься – на растяжку попасть можно... Вот, собственно, и всё...

– А свои снайперы в отряде есть?

– Снайперы... – Новиков невесело усмехнулся. – Ну, есть! Аж трое. Уткин, что сейчас за повара, как раз один из них. И, скажу тебе честно: хоть готовить этот Уткин ни хрена не умеет, на кухне от него все равно проку больше. У нас ведь снайперов не обучают, у нас их – назначают! Попал пару раз в мишень на полигоне, и готово! А то, что снайпер не только в цель попадать должен, но и на местности ориентироваться, маскировку и способы обнаружения противника знать, что у него башка варить должна по-особому, так об этом никто не думает. У меня ж постовые милиционеры, а не спецназовцы. Законы да инструкции знают, а стрелять нормально через одного умеют. Что там для них недельная подготовка... Руководству нашему лишь бы в Москву отчитаться, что отряд укомплектован в соответствии с приказом и отправлен в установленный срок. А там – варитесь, как хотите... А экипировка? Эсвэдэшку вместо «калаша» выдали, и всё – снайпер! А этот снайпер про таблицу поправок если и слышал в далеком детстве, то пользоваться ею все равно не умеет... Так что, Ириша, на наших спецов тебе рассчитывать не придется. Конвой или зачистка – это пожалуйста, это мы еще как-то можем. Толпу создадим, если потребуется. А снайпера выследить и уничтожить... – Подполковник беспомощно развел руками.

– Не переживай, Илья, – отозвалась Ирина. – Не у одного тебя в отряде так.

– Ага, успокоила...

– А больше успокоить нечем. Пока, по крайней мере... – Она поставила чашку на стол. – Теперь о том, что успела понять я. Тоже не много, но кое-какие выводы сделать можно. Дыра в лобовом стекле – его работа?

– Угу...

– Судя по всему, бьет наш объект с максимальной прицельной дальности, метров с восьмисот, не меньше. Пулю-то нашли?

– Нет.

– Значит, на волю ушла... В любом случае, Илья, мы имеем дело с профессионалом. Его так просто не возьмешь. Оперативники у тебя толковые?

– Не жалуюсь. Вон, Володя Пониматкин – из убойного отдела УВД. Товарищ опытный, здесь не впервые. И мужик нормальный. Фамилию, во всяком случае, оправдывает.

– Он знает, кто я?

– Знаю только я.

– Придется сказать. Мне с ним переговорить нужно, чем быстрее – тем лучше. Тет-а-тет. И еще... – Ирина кивнула на стоявшую возле входа коробку: – Инструмент мой спрятать надо понадежней. Лучше пусть пока у тебя побудет.

– Не вопрос. У меня дверь на замке.

– Хорошо. – Ирина поднялась. – Ну а мне где устраиваться?

– Живем мы в общем зале, на случай тревоги. Поэтому выгородили и тебе угол. Мужики старались, даже лампочку отдельную туда провели. И розетку подключили. Пойдем, покажу! Заодно и с бойцами познакомлю.

– Между прочим, зачем ты сказал, что я в ресторане работала?

– Как зачем? – взявшись за чемодан, переспросил Новиков. – Надо ж было как-то твой приезд залегендировать.

– Мог бы на мой счет что-нибудь получше придумать. Что медсестра, например. А теперь сам выпутываться будешь. Имей в виду: кулинар из меня – еще тот.

– Рассказывай! Игорь твой, между прочим, никогда не жаловался. Как он, кстати?

– Понятия не имею. – В голосе Ирины послышался холодок. – Мы уже давно разбежались.

– Извини, не знал... А почему, если не секрет? Мужик-то он героический.

– То-то и оно, что героический. Мусор вынести не допросишься.

* * *

Ирина не кокетничала, готовить она действительно не умела. Нет, это не значит, что приготовление омлета или, скажем, варка макарон представляли для нее неразрешимую проблему. И кашу сварганила бы, если нужно. Но богатой практикой похвастать не могла. Дома кухней заправляла мать.

И, опять же, масштаб. Взять, к примеру, те же макароны. Одно дело, когда ты их для себя варишь, в двухлитровой кастрюльке, а после над раковиной промываешь, и совсем другое, когда они кипят в громадном баке, который с места не сдвинуть.

Ирина поправила фартук, сшитый из камуфляжной ткани, и, водрузив на соседнюю конфорку сковороду, вернулась к доводке винтовки. Эта работа была для нее гораздо более привычной и потому успокаивала. Вроде как пасьянс раскладывать.

Вот и Игорь надеялся, что остепенится она, сроднится с ролью домохозяйки. Женщина, как-никак, в его представлении. Хотя познакомились они, можно сказать, на фоне боевых действий – когда военные обменивались опытом в их СОБРе – учили друг друга всяким запрещенным приемчикам. Но боевая романтика быстро разбилась о коварный быт. Ему хотелось получить надежный тыл, а ей – того же от него. Просчитались оба. Поскольку оба, как наркоманы, нуждались в своей дозе адреналина, который на кухне и у телевизора не получить, это уж точно. Почему некоторых людей тянет на экстрим? Она знала ответ. Потому что только в экстремальных ситуациях можно проявить себя в полной мере. Узнать о себе все. На что ты способен. А человек способен на многое. Беда в том, что они с Игорем были слишком похожи. И играли на одном поле.

Теперь Игорь свой тыл нашел. В лице глупой молоденькой медсестры. Которая с радостью бросилась и в быт, и ребенка ему родила. К счастью, это случилось уже после того, как они расстались. Ира и Игорь... «Красивая пара, – говорили друзья. – Вы так друг другу подходите...» Да, он – этакий мачо, она – хрупкая девушка, нуждающаяся в сильном мужском плече. А на самом деле совсем не в сильном плече она нуждалась, и вовсе не хрупкая, разве только с виду.

Она уже заканчивала с винтовкой, когда снаружи вагончика-кухни, приставленного торцом к корпусу, послышались шаги. Ирина быстро сунула ветошь в карман передника, спрятала оружие под стол и поставила банку с ружейным маслом на полку над плитой, где в похожих

банках ее предшественник Юра Уткин хранил соль и специи. Но поторопилась – поставила на самый край. В следующий же миг банка соскользнула с полки и угодила прямо в макароны. Доставать ее было уже поздно: дверь вагончика отворилась, и в кухню просунулась Асият.

– Ирина Леонидовна, я хотела воду поставить для стирки... Ой, да у вас вся плита занята!

– Да, – ответила Ирина, стараясь казаться спокойной и одновременно с тревогой прикидывая, какие невообразимые химические процессы протекают сейчас в баке. – Не развернешься тут...

– Я вот и думаю: попрошу Аслана, чтобы печку на улице сложил. А то двум хозяйкам у одной плиты не место. А ребята, когда узнали, что вы приедете, – как дети радовались. Молодые ведь, есть сильно хотят...

– Асият, давай на «ты». Мы ж почти ровесницы.

– Нет, – улыбнулась дагестанка. – Не могу я так. Уважение надо проявлять. А вы меня можете Асей называть, как все ребята зовут... Ну, я тогда попозже воды согрею.

Ирина улыбнулась в ответ.

Едва дождавшись, пока за Асият захлопнется дверь, она метнулась к плите...

Среди столпившихся у окошка раздачи бойцов царило радостное возбуждение.

– Внимание! – громко объявил Прошкин. – Сегодня в нашем ресторане вечер итальянской кухни от шеф-повара Ирины Леонидовны!

Собравшиеся дружно зааплодировали.

– А что послал Господь? – поинтересовался кто-то. – Пиццу?

– Макароны, кажется... – осторожно заметил Уткин, стоявший ближе других к окошку раздачи.

– Темнота! – презрительно хмыкнул Пончик. – Макароны – это то, что ты нам варил. А в классической итальянской кухне это называется спагетти. Или «паста».

Уткин недоверчиво осмотрел содержимое своей миски, потом осторожно понюхал.

– Спагетти? А почему они темные, Ирина Леонидовна?

– Я их с соевым соусом варила. По специальному рецепту.

– Надо же... А пахнет почему-то ружейным маслом.

– Юрик, это у тебя от ревности обоняние нарушилось, – возразил Прошкин. – Разлучили с любимой кухней и отправили на позиции...

– На, сам попробуй!

Пончик понюхал макароны и поднял на Ирину растерянный взгляд. Очередь настороженно замолчала.

Ирина не подала вида:

– Я еще трюфелей добавила. Грибы такие...

– Знаем, – подал голос кто-то, – их со свиньями ищут.

– Ирина Леонидовна, а вы лучше сварганьте нам обычный борщ, а? – предложил Игорь Данилюк, по прозвищу Человек-желудок. – Без всяких трюфелей.

– Борщ? Так ведь овощи нужны. Свежие. И мясо.

– Да вы только скажите, какие и сколько. Мы скинемся, купим и привезем.

В «ресторанном зале» появился Новиков – похоже, он учуял признаки бунта на корабле.

– Чего митингуем?

– Степаныч, надо все же с кухней что-то решать! – Юрий протянул командиру миску. – Опять макароны с тушенкой да еще с трюфелями. Это даже не паста, это ж натуральный гуталин!

– Обещали повара нормального... – поддакнул кто-то из бойцов.

– Так, тихо! – повысил голос командир. – Вы что, дома? Или в кафе? Скажите спасибо, хоть это есть. В войну вон... сапоги варили, чтоб с голоду не подохнуть. А вам тут – пожалуйста, итальянская кухня! А с хорошим соусом и подметку от сапога сожрать можно.

– Чую, скоро и до подметок дойдет... – пробурчал себе под нос Уткин и добавил что-то нецензурное.

Ирина вышла из вагончика и присела на крыльцо, чтобы не слышать мата возмущенной общественности.

– Что, не понравилась ваша кухня, Ирина Леонидовна? – Незаметно подошедшая Асият кивнула в сторону кухни. – Ругаются?

– Да ну их... Что я, виновата? На складе только макароны, греча да тушенка. Тут не до изысков!

– А мне Пончик сказал, что вы в ресторане раньше работали. Хороший повар, он ведь и обычные макароны так приготовит, что от тарелки не оттащишь.

– Хороший повар – да...

Ирина оглянулась и наклонилась к Асият:

– Я тебе один секрет скажу, только ты меня не выдавай. – Она понизила голос: – Я действительно когда-то в ресторане работала. В итальянском. Только не поваром, а... бухгалтером. И готовить совершенно не умею. А сейчас на вещевом складе.

Она умышленно сообщила, где служит. Если наводчик в отряде, он может заподозрить, что Ирина выдает себя за другого – с кулинарией у нее действительно не зачет. И не исключено, начнет пробивать. А теперь весь отряд будет знать горькую правду. Асият поболтать любит.

А за своих, в Юрьевске, Ирина спокойна. Там, кроме Кленова, командира, и еще пары человек, никто не в курсе, что она контрснайпер. И это тоже сделано специально. Для безопасности. У убитых ею снайперов и других милых людей есть соратники и родня, готовые отомстить... Да и для новых заданий, типа нынешнего, реклама не нужна.

– Зачем же вас сюда прислали?

– Начальство... – презрительно фыркнула Ирина. – Раз, говорят, женщина, значит, к плите будь любезна. Или пиши заявление по собственному. Я бы, может, и написала, только где сейчас работу найдешь? Вот и поехала.

– Понятно... Хотите, я готовить буду?

– Ты ж знаешь, начальство запрещает... Слушай, а где тут черемши можно нарвать? Я, помню, в турпоходе в этих краях была, еще школьницей, и нас черемшой угощали. Вкусно-тища!.. Хоть салат какой-нибудь им сделаю. Какое ни есть разнообразие, да и витамины.

– Ну, вы скажете, Ирина Леонидовна! – усмехнулась Асият. – Какая сейчас черемша? Черемшу зимой копают, из-под снега... Сейчас другие травы собирать надо. У нас тут чабрец растет, тархун растет. Халта, с ней пироги вкусные делают. Чаман даже есть. Чаман в гречку добавишь – без всякого мяса вместе с кастрюлей съедят. Хотите, я для вас наберу?

– Нет, Асенька, не надо.

– Тоже, как начальство, боитесь, что отравлю? Так хотела бы – давно б отравила.

– Нет-нет, что ты... Просто... В общем, закроют завтра ближние горы для посещения местным населением. До особого распоряжения. Из-за снайпера. Командир говорил сегодня утром на совещании... Лучше покажи, как эти травы выглядят, ладно? Я сама насобираю. А то действительно перед ребятами за стряпню свою неудобно.

* * *

Солнце палило нещадно, словно на экваторе. Ирина только десять минут как из лагеря вышла, а уже вся взмокла, футболку хоть отжимай. В такую погоду на море надо загорать, а не по горам с корзинкой шастать. Но тут уж, как говорится, кто что выбрал...

Она уже подошла к опушке леса, начинавшегося у подножия горы, как вдруг из кустов словно выросла фигура в камуфляже с винтовкой наперевес. Лицо воина было помазано черной краской, из банданы торчала пара веточек, делавших его похожим на северного оленя.

– Ручки вверх!

– Юра... – облегченно выдохнула Голикова, узнав Уткина. – Ты что, партизанишь?

– Мне-то по должности положено по лесам бегать. А вот вы куда направились, да еще и одна?

– Травок местных хочу собирать, чтобы вас трюфелями больше не травить. Новиков велел питание улучшить. Что хочешь, говорит, делай, а чтоб не хуже, чем в Италии.

– А-а-а... Но я бы на вашем месте не рисковал. Басмачей здесь, конечно, нет, а вот на растяжку нарваться в два счета можете.

– Да я далеко не буду заходить.

– Так они далеко и не ставят. Далеко смысла нет.

Ирина окинула бойца оценивающим взглядом и кивнула на винтовку с оптическим прицелом.

– Ты что, снайпер?

– Типа того. Хочу гада выследить, а он постоянно позицию меняет.

– Зря стараешься...

– Почему это?

– У тебя оптика старая, бликует. При таком направлении солнечных лучей он тебя гораздо раньше заметит.

– А вы откуда знаете? – с подозрением посмотрел на нее доморощенный Вильгельм Телль.

– Так это каждый школьник знает. Время такое.

Кивнув на прощание, она двинулась в лес, спиной чувствуя пристальный взгляд Уткина.

Некоторое время она поднималась по склону, сверяя направление с приметам, которые описал ей Пониматкин. Лес подарил желанную прохладу, и идти здесь было легче, хоть и на подъем. Она не спешила, внимательно глядела под ноги и только минут через двадцать вышла к большому валуну, лежавшему на миниатюрном каменистом плато. Оглядевшись, заметила свежую зарубку на стволе старого дуба. Взяв по ней вектор, двинулась дальше и вскоре вышла к толстому буку, на котором также красовались две свежие зарубки – одна под другой.

Здесь она остановилась и достала из нагрудного кармана куртки небольшой приборчик. Включив его и надев наушники, она, ориентируясь по пеленгу, через три минуты вышла к низкорослой сосне с причудливо искривленным стволом – именно это дерево она видела на экранчике Володиного цифровика.

Выключив пеленгатор, Ирина отмерила от сосны три шага строго на юг. Поставив корзинку на землю, достала из нее большой нож и, несколько раз воткнув его в грунт, быстро обнаружила тайник, сделанный для нее Володей. В яме, прикрытой дерном и присыпанной прошлогодней листвой, лежал герметичный пластиковый пакет со специальным камуфляжным комбинезоном, расшитым лоскутками материи, искусственными листьями и цветами. Не розами, конечно, и не тюльпанами. Живые пришивать бессмысленно, они за день-два высохнут, и вместо маскировки выдадут стрелка по полной. Даже проходящие дети будут пальцем тыкать: «Вон снайпер! Вон снайпер!» Тут же в яме находилась дальнобойная винтовка СВ-98,

привезенная в коробке из-под спагетти. Снова оглядевшись по сторонам, Ирина извлекла из корзинки упаковку с памперсами и сунула ее в тайник.

Через пару часов она возвратилась в лагерь.

На пятачке возле кухни двое мужчин, явно местных, устанавливали чан с водой на сложенную из камней печку.

– Ирина Леонидовна! – Из кухни с ведром воды вышла улыбающаяся Асият. – Видите, уже всё сделали. Теперь могу здесь воду кипятить и вам мешать не буду. Как раз сегодня постирать хотела, чтоб к утру высохло... Знакомьтесь: это – Аслан, мой муж, а это – Руслан, мой младший брат.

Мужчины, оторвавшись от работы и вяло улыбнувшись, церемонно кивнули.

– А это – Ирина Леонидовна, новый повар.

Взгляд Асият упал на корзинку.

– Ну-ка покажите, что нарвали... О, да это ж совсем не то!

– Как не то? – Ирина изобразила растерянность.

– Я же вам показывала... Это – правильно, чаман. Вот его в следующий раз и надо брать. И вот это – тоже... А все остальное можете Аслану отдать. Он ослика покормит.

– Хорошо...

– А у вас дети есть? – Асият вдруг сменила тему.

– Нет пока...

– А у нас двое. – Она достала из кармана небольшую фотокарточку и протянула Голиковой.

Двое детей – мальчик и девочка, сидевшие в обнимку на корточках, улыбаясь, смотрели со снимка.

– Русланчик на будущий год в школу пойдет.

– Красивые, – улыбнулась Ирина, возвращая фото.

Их беседу прервал Данилюк, державший в руках старую алюминиевую миску.

– Ирина Леонидовна, не выдадите порцию?

– До обеда час. Потерпишь.

– Да я не себе. Чубайсу.

– Кому?!

– Да пес бродячий к нам на КПП иногда приходит. Рыжий, вот мы его Чубайсом и прозвали. А у вас все равно много остается, так чтоб не выбрасывать... Ой, вы только не обижайтесь! Я не за качество говорю, а просто, что нам много... А животное жалко. Тоже ведь от войны страдает. Тут к каждому отряду и кошки прибиваются, и собаки.

– Знаю. Мне Прошкин про птицефабрику рассказывал. И про черепахи бега.

– Черепахи – что... – широко улыбнулся Игорь. – У нас тут раньше даже попугай жил. Его один боец потом с собой увез, как талисман.

– Талисман?

– Ага. Попугая этого мужики с зачистки привезли. Обычный, волнистый. Хозяева в доме бросили, в клетке, ну а наши, чтоб не пропал, приютили. Дело зимой было, и клетку на кухне поставили. Теплее там. Кличку попугаю дали: Гена, в честь Хазанова. Он, рассказывали, если в профиль глядеть, и вправду на Хазанова сильно смахивал. Ребята, как на кухню приходят, так сразу: «Привет, Гена!» и что-нибудь вкусное в клетку суют. Он эту фразу и заучил.

А где-то через месяц вдруг заболел. Перья начали выпадать, и язвочки по туловищу пошли. Из-за того, наверное, что его китайской тушенкой кормили. Да он и сам потом уже ничего другого и не ел. Подсел на эту тушенку. Обмен веществ и нарушился.

Когда совсем облысел, повезли его к местному коновалу. А тот ведь с коровами привык дело иметь, а не с тропической птицей. «Это, говорит, у вашего питомца кожная инфекция. Мажьте регулярно зеленкой, должно пройти».

Стали мазать зеленкой. Язвочки вроде и вправду прошли, а вот перья новые не вырастают, хоть убей. Летать птичка уже не могла. Машет крылышками, да без толку. Подпрыгивал только на метр, не больше. Клетку ребята не закрывали, вот и бегал по кухне: маленький, лысый и зеленый. Садятся мужики обедать, Геша тут же на лавку запрыгивает, потом с лавки – на стол и шарится между стаканов. У одного пробу снимет, у другого...

Подошел срок – очередная смена приехала. По такому случаю поляну накрыли, новобранцы нахрюкались по потери пульса. Один из них, Генка Мишин, прямо за столом отрубился. Будить не стали: отойдет маленько – сам как-нибудь до койки доберется.

И вот просыпается Мишин среди ночи от какого-то непонятного стука. Веко одно приоткрывает и видит: стоит перед ним маленький зелененький человечек и клюет из его миски тушенку. С мужика со страху весь хмель слетел. Все, типа, допил... А человечек вдруг поднимает голову, смотрит на него грустными такими круглыми глазами и говорит: «Привет, Гена!»

Гена – под стол...

Наутро, конечно, разобрались. Мишин с тех пор спиртного в рот не берет. «Я, говорит, мужики, пока под столом от этого черта прятался – клятву дал, что пить завязываю. На натальном крестике. И, хотя в Бога не верю, клятву нарушать не стану». И правда, как отрезало! Вот он-то попугая с собой и забрал, когда сменялся. «Здесь, говорит, погибнет тетка, а в городе я ему хорошего ветеринара найду...» И ведь вылечил, даже перья у Гены выросли. Ну, в смысле, у попугая... И с тушенкой он завязал. Ну так как, не дадите Чубайсу с голоду помереть?

– Ни в коем случае. Я же член общества защиты животных!

Бойцы с мисками в руках отходили от пункта раздачи с такими лицами, словно им вместо макарон положили вареных тараканов. Когда все расселись за длинным столом, Уткин постукивал ложкой по стакану.

– Внимание, смертельный номер! Слабонервных и детей до восемнадцати просим удалиться. Аттракцион под названием: «Настоящий мужчина должен есть все, что не приколочено гвоздями...»

С этими словами снайпер развернул лежавший перед ним на столе бумажный сверток, и взору личного состава предстала обувная подметка. Уткин неторопливо полил ее кетчупом и, взяв в руки вилку и нож, с видимым усилием отрезал и отправил в рот небольшой кусочек. Остальные бойцы – кто с интересом, кто сморщившись – наблюдали за тем, как он медленно и демонстративно прожевывает экзотическое блюдо.

– Не шницель, конечно, – констатировал Уткин, наконец, проглотив подметку. – Но на фоне макарон с трюфелями очень даже ничего...

Сидевшие за столом громко загоготали.

Ирина демонстративно захлопнула окошечко раздачи.

Добряк Прошкин через полминуты уже успокаивал повара:

– Вы не обижайтесь, он не со зла. Просто пошутить хотел, разгрузиться немного. Не все ж на «машине времени» путешествовать.

– На машине времени? Это как?

– Очень просто. Берешь бутылку водки, выпиваешь, отрубаясь, через минуту открываешь глаза – а уже завтра. Чем не машина времени... Так вы не обиделись?

– Было бы на что, – махнула рукой «Дольче Вита». – Только б Юрику от таких шуток промывание желудка делать не пришлось. Циркач.

– Да вы что, поверили? – Пончик широко улыбнулся. – Это ж старый прикол. Подметка такая из хлебного мякиша делается. Хотите, научу?

– Ну научи...

– Замётано. А еще вас сюрприз завтра ждет.

– Какой еще? Может, хватит сюрпризов?

– Приятный. Увидите. Я завтра рано утром Степаныча в Ханкалу везу. У них там какое-то расширенное совещание, и его целых три дня не будет. Потом заскочу еще кое-куда и вернусь. Тогда и увидите...

* * *

Пушистые облака с самого утра затянули небо и принесли долгожданную прохладу. Укрепленный под козырьком у входа на кухню термометр показывал двадцать два градуса, но на фоне изнуряющей жары предыдущих трех дней Ирина даже слегка замерзла. Накинув куртку, она сидела на крыльце вагончика и чистила овощи, которые бойцы накануне вскладчину купили на рынке.

Уткин, как истинный снайпер, появился незаметно, словно любовник, выскочивший из шкафа.

– Ого! Никак борщ будет?

– Приходится изыскивать внутренние резервы. – Ирина отправила в ведро с водой очередную картофелину. – А то в отряде скоро сапог не останется.

Уткин хотел что-то ответить, но в этот момент раздался знакомый звук клаксона, и в расположение лагеря въехал «уазик» с висящими на стеклах бронежилетами. Из машины выскочил Прошкин и приветливо махнул Ирине рукой:

– Привез!

– Кого привез?

– Не кого, а что. Сюрприз!

Он открыл заднюю дверь, достал оттуда большую картонную коробку и потащил ее к кухне.

– Вот! – с гордостью взявшего очередной город римского полководца заявил он.

– Что «вот»? – передразнил Уткин. – Макароны новой, улучшенной формы? С крылышками?

– Сам ты с крылышками... Это спонсорская помощь, от мексиканского ресторана. Свояк с поездом передал. Тут приправы всякие: для супов, для салатов, для картошки и для макарон даже. Оливковое масло, лимонный сок. И еще какая-то фигня... Две коробки, в общем. Юр, принеси из машины вторую, а я пока эту разберу. Куда поставить, Ирина Леонидовна?

Гурман Уткин тут же поспешил к «уазику», а Прошкин с Ириной прошли в вагончик, открыли коробку и принялись разбирать ее содержимое. В коробке оказалось множество разнообразных пакетиков с пестрыми картинками и заморскими надписями.

– Слушай, а что тут для чего? – растерянно посмотрела на Пончика шеф-повар.

– Учтено, – улыбнулся тот в ответ. – Свояк специальную инструкцию составил. Там все подробно расписано: что куда добавлять и в каких...

Его слова прервали вопли с улицы. И это были явно не вопли радости.

Ирина с Прошкиным выскочили из вагончика.

Уткин валялся метрах в двадцати на усеянной разноцветным пакетиками площадке и орал, словно еретик на костре.

– Твою мать... – витиевато выругался Пончик-Прошкин.

Ирина быстро прижалась к стене вагончика, извлекла из кармана маленький бинокль и впиалась взглядом в склон ближней горы.

Обезумевший от боли Уткин таращился на Пончика – мол, сам погибай, а товарища выручай.

Только теперь сообразив наконец, что произошло, тот дернулся в сторону раненого. И сразу раздался резкий окрик Голиковой:

– Куда?!

Растерявшийся Пончик притормозил.

– В машину! – на миг оторвавшись от бинокля, бросила повариха. – Бортом его прикрой, слева!

Прошкин кивнул и, пригнувшись, бросился к «уазику». Заскочил в кабину, завел двигатель. Но едва тронулся с места, как лобовое стекло с противным треском пробита пулей. Крошки брызнули Пончику по лицу, он вывалился из машины, упал на землю и спрятался за колесами.

В лагере поднялась привычная суматоха. Бойцы, рассредоточившись вдоль бойниц, начали очередной бой с невидимым противником, щедро поливая окрестности свинцом. Пустой расход бюджетных средств...

Увидев, что Прошкин в безопасности, Ирина затолкала бинокль в карман и бросилась к Уткину, по пути опрокинув кипящий во дворе чан с бельем в костер, чтобы создать хоть какую-то дымовую завесу. Добравшись до раненого, она ухватила его за отворот куртки и потянула на себя. Уткин снова завопил от боли.

– Терпи, Юрочка, терпи... – словно молитву бормотала Ирина. – Сейчас легче станет...

– Уйдите, Ирина Леонидовна! – раздалось у нее над ухом. – Лучше я...

Подскочивший Пончик подхватил раненого под мышки и с неожиданной для своей комплекции быстротой уволок за машину. Ирина шмыгнула следом.

– Жгут сделай!

– Чем?! – растерялся Прошкин. – У меня ремня нет. Все малы...

– В машине аптечка, там фирменный, – Ирина снова вытащила бинокль и направила его в сторону горы...

Через час на кухню заглянул человек со странной фамилией Пониматкин.

– Отправили? – Ирина подняла на него глаза, полные слез. Она нарезала лук – аккуратными колечками, словно ничего не случилось.

Володя кивнул и опустил на лавку.

– Степаныча в Ханкале за прежние ЧП сейчас, поди, всем кагалом имеют, а тут – еще одно. Прямо «к столу». Все, теперь отряд проверками задолбают... Мы еще, когда Ковригу отвозили, боялись, что Новикова снимут. А врач в госпитале сказал, что для наших, похоже, отдельную палату резервировать надо. Накаркал... Юрку, кстати, с Коврижкой рядом положили. Будет с кем пузырь раздавить на сон грядущий.

Ирина бросила лук в кастрюлю и, помешав в ней поварешкой, села напротив оперативника.

– Слушай, Володя... Ты бы поговорил с нашими рейнджерами. Только доходчиво. Объясни им, что до склона, с которого снайпер работает, расстояние по прямой – почти километр. У «калашников» же эффективная дальность – четыреста метров, так что толку от их пальбы – никакого. Только если на излете достанут, и то случайно. Как Степаныч говорит, окрестных сусликов пугаем. Пулемет, конечно, на такой дистанции возьмет, но и из него по горам палить не видя цели – тоже одна трата патронов. К тому же село рядом. Если, не приведи бог, кто-то из местных там случайно окажется и под пулю попадет, Степаныча вообще посадят.

Пониматкин не возражал.

– Ладно, переговорю... Кстати, о снайпере. Я, собственно, зашел сказать, что наши с тобой догадки, похоже, в точку попали... Не находишь?

– Похоже...

– И?

– Придется ждать, – Ирина помешала варево. – Накрывать его можно только на позиции. Оперативник на секунду задумался.

– Ты, конечно, права: на позиции – оно лучше. Только сколько ждать? Тут нужно найти какой-то ход. Подогреть ситуацию... Есть у меня одна идеяка...

* * *

Он двигался в предутренней мгле, прячась за стволами деревьев, внимательно глядя под ноги, стараясь ступать неслышно. Свои растяжки – наизусть знал, глухой ночью мог пройти. Но теперь кто здесь только растяжек не ставит...

К схрону он выходил с подветренной стороны. Метров за пятьдесят остановился, вслушался, затем осторожно втянул ноздрями воздух. Словно волк. Ветер не донес ни посторонних шумов, ни посторонних запахов. На всякий случай он выждал еще немного, затем продолжил путь.

По этой тропинке после его позавчерашней «охоты», похоже, не ходил никто: две сухие веточки, крест-накрест положенные возле корня узловатой старой сосны и чуть прикрытые прошлогодней листвой, не были повреждены. Паутинка между двух свисающих ветвей – тоже цела. Как и тонкая, практически незаметная леска растяжки, которую он поставил уже перед самым схроном.

Осторожно переступив леску, он присел, запустил пальцы под пласт дерна и отвалил его в сторону. Потом внимательно осмотрел поверхность обнажившегося деревянного щита, что закрывал яму. Здесь тоже ничто не вызвало подозрений. Подковырнув пальцем землю, нащупал сбоку на щите металлическое кольцо и, осторожно сняв его с гвоздика, откинул крышку. Тоже сюрприз для излишне любопытных: к кольцу этому был прикреплен конец короткого троса, а другой – привязан к чеке гранаты, закрепленной на крышке спрятанного в схроне чемодана.

Достал из чемодана камуфлированный комбинезон, быстро надел его поверх одежды. Затем извлек из ямы снайперскую винтовку Драгунова, прозванную в народе просто СВД, но от этого не ставшую хуже. Вернул чемодан на прежнее место. Снова зацепил кольцо за гвоздик на щите, небрежно прикрыл его листвой и ветками. Со стороны, если приглядеться, заметно, но... Этот схрон ему больше не нужен. А те, кто будет его искать, – легко найдут. Вместе с... маленьким сюрпризом.

Он не испытывал никаких угрызений. Не он начал эту войну.

Ирина поежилась. Нет, это не был холод, хоть утро и выдалось свежим. Скорее, волнение. А точнее, своего рода предстартовый мандраж. Чувство, знакомое любому опытному снайперу и спортсмену. Часами лежишь в засаде в ожидании объекта и вдруг ощущаешь какой-то внутренний толчок. Это объект сам дает о себе знать. Ты его не видишь, просто ощущаешь его присутствие. Словно потянуло особым холодом, каким-то потусторонним ветерком.

Она посмотрела на часы. Да, если их расчет верен, объект как раз сейчас и должен появиться. Он работает именно так: выходит на место, делает один или два выстрела и быстро уходит. У него здесь, в этих условиях, не может быть другой тактики.

С помощью миниатюрного, но мощного бинокля Ирина внимательно осматривала противоположный, не освещенный еще солнцем склон. Да, она пока – не в самом выгодном положении: ее склон – как раз освещен. Но потому она и выбрала себе позицию под скальным выступом, куда лучи попасть не могли. И в этой густой тени ее обнаружить невозможно.

Она подрегулировала бинокль. Вот старая узловатая сосна. Пониже ее – подходящее место для снайперского укрытия...

Оп-па! Похоже, там, под этой старой сосной, что-то мелькнуло. Но – лишь на миг. Конечно, это могла бы быть и бродячая собака, их здесь великое множество. Или даже дикий кабан, позавчера она заметила следы...

Нет, не собака и не кабан. Из-за них мандража бы не было.

Он никогда не работал с одной и той же позиции дважды. Осторожность – родная сестра подлинной, а не безрассудной храбрости. По-настоящему храбр не тот, кто, презирая смерть, бросается вперед. Тот – гибнет от пули. А вот тот, кто умело избегает смерти, – сам уничтожает врагов.

Сегодняшняя позиция была расположена к лагерю федералов ближе, чем обычно. Как и другие, он выбрал ее заранее, но приберегал для особого случая. И такой случай как раз настал. Он сработает здесь в последний раз. В селе наверняка начнутся капитальные зачистки, и федералы могут выйти на след.

Через пять минут он уже был на месте. Лагерь и ведущая к нему дорога лежали как на ладони. Ждать, по его прикидкам, оставалось совсем недолго. Минут десять-пятнадцать.

Но он ошибся. Уже буквально через пару минут на дороге показался штабной «УАЗ» в сопровождении БТРа.

Он перевел прицел на территорию лагеря. В поле зрения попали веревки с бельем. Простыни и наволочки висели неподвижно – значит, безветрие. Значит, на этой, все же приличной дистанции, траектория пули будет оптимальной. Чуть оторвавшись от окуляра, мужчина подкрутил маховичок, снимая боковую поправку на ветер.

Машины между тем въехали на территорию лагеря. Из «УАЗа» вышли трое в форме и остановились перед входом в корпус. Один из них был одет явно отлично от других – в лагере такого фасонистого камуфляжа нет ни у кого. И толстый уж больно. Сразу видно, штабная крыса. Звезд на погонах не разглядеть, но по тому, как вытягивались перед ним прочие офицеры, становилось ясно, что это за птица. Не зря, значит...

Он закрыл левый глаз и, плотно прижавшись щекой к прикладу винтовки, взял незнакомца на прицел. Сделав глубокий вдох, чуть выдохнул и, задержав дыхание, самым кончиком пальца плавно надавил на спусковой крючок...

Ирина обнаружила его позицию практически сразу.

Звук выстрела она не услышала, однако успела заметить, как дрогнули ветки кустарника. Чуть удивилась: опытный снайпер устраивается на позиции так, чтобы выстрелом себя не обнаружить. А этот «коллега»... Расслабился, что ли? Впрочем, и не такие асы ошибались.

Она снова взялась за бинокль. Нет, за ветвями – тень, и различить ничего нельзя.

Ему показалось, что он даже видел бурунчик от пули, чиркнувшей по бетону справа от цели. Проммах?! Не может быть... Однако тот, в кого он целил, продолжал стоять на том же месте, недоуменно крутя головой. Видимо, пискнувшая рядом пуля все же привлекла его внимание. Но штабной, похоже, не понял, что произошло, таким воякам этот звук незнаком. Ничего, сейчас все объясним...

Он чуть подкрутил маховичок, корректируя боковую поправку.

Ирина наблюдала. Ничего не видать, тень за ветвями слишком густая. Может, уже ушел? Нет, всяко выдал бы себя. Значит, на месте. Значит, ждет. И выстрелит.

И вдруг... Такое бывает, она знала о подобных случаях. Солнце, поднявшееся чуть выше, уронило лучи на противоположный склон, и они пронзили кустарник. И она увидела: вот он, «коллега»...

Дальше – дело техники. А техника, как известно, не приходит сама по себе. По три тренировки в неделю: две в тире, одна на пленэре. И так, чтобы никто не видел и не спрашивал – а зачем это вы, Ирина Леонидовна, винтовочку таскаете? Пришлось даже вступить в охотничье общество.

Расстояние до ориентиров выверено заранее, все поправки учтены. Отложив бинокль, Ирина прильнула к окуляру...

Он снова взял толстую фигуру в камуфляже на прицел. Кончик указательного пальца уже готов был лечь на спусковой крючок.

Но пространство вокруг него вдруг взорвалось. И тут же все померкло.

Он даже не успел осознать, что – навсегда.

Это было не очень больно.

Ирина вернулась к тайнику, разобрала винтовку. Быстро переоделась, спрятала оружие и комбинезон в тайник, взяла корзинку с травами и направилась к лагерю.

Выходя из леса, она увидела двух местных женщин – те шли по дороге к селу. Женщины степенно поздоровались. Ирина рассеянно кивнула в ответ и продолжила свой путь. Женщины обернулись и проводили ее недобрыми взглядами.

* * *

Новиков мерил шагами кабинет, бросая раздраженные взгляды на Ирину и Пониматкина.

– Вы что, меня дожидаться не могли?! Какого хрена самостоятельность устроили? А если бы он не промахнулся?!

– Я ж под куртку броник надел...

– А вазу ночную на голову нацепить не догадался? Если бы он в башку целил?..

Володя мрачно отшутился:

– Мы помолились, исповедались и оставили завещания.

– Очень смешно!

– Но ведь получилось же! – вступилась за боевого товарища Ирина.

– Ваше счастье, что получилось!.. Ладно, наказывать не буду... – Командир остановился и уже более спокойно поинтересовался: – Так почему все же меня не дождались?

– Да устали ждать, пока он нас всех по одному, как курей, перешелкает!

– Подожди, Володя! – остановила Пониматкина Ирина. – А ты, Илья, не обижайся. Просто мы твое отсутствие решили... использовать творчески.

– А я вам чем, интересно, мешал?

– Да почему мешал-то?.. У меня на эту парочку сразу виды возникли. И не только из-за того, что они местные. Все местные, что в расположениях федералов отираются, так или иначе на басмачей работают... А вот наши... Никак я их со снайпером увязать не могла. Но что интересно: снайпер почему-то работал на следующий день после того, как Асият стирку устраивала. Не каждый раз, но непременно после стирки. Только какая тут связь? Поначалу думала – сигнал какой. Да только о чем сигналить, если в расположении всё как и было. Никто не приезжал, никто не уезжал, ничего не завозили... А потом про флаг вспомнила... Вы ж его сняли.

– Поправка на ветер? – догадался командир.

– Точно. Мокрое белье высыхало, тогда Аслан и работал. Причем довольно точно. Гораздо точнее, чем по флагу. При работе с больших расстояний ветер огромную роль играет, вот они и подстраховывались. Асият недаром белье всегда по определенной схеме развешивала: простыни на одной веревке, наволочки – на другой, трусы – на третьей.

– Но ведь она Ковригина спасла... Сама жизнью рисковала.

– Инсценировка, Илья. При его снайперском классе – ничего сложного. Видимо, они почувствовали к себе повышенный интерес и решили таким образом подстраховаться.

– Чтобы Аслана на позицию выманить, – снова вступил в разговор Володя, – мы и придумали комбинацию с... со «штабным полковником». Я на кухню пришел и сообщил Ирине, якобы по секрету, будто только что звонили из штаба. Мол, Новикова сняли за потери в отряде, и завтра к десяти из Ханкалы прибудет новый командир. Полковник, из министерства. По имеющимся сведениям, карьерист и самодур. Начнет с бардака на кухне, а закончит ежедневными зачистками в селах и прочесыванием лесов. А еще сказал, что местных к лагерю и на пушечный выстрел не подпустит, поэтому пусть Ирина поговорит помягче на эту тему с Асият. Только не сразу, а потом. Но завтра чтобы ее в любом случае в расположении не было... Сама же Асият в этот момент возле кухни кастрюлю мыла и разговор должна была слышать. Ира для этого заранее окошко приоткрыла – якобы проветрить. И когда Асият вечером стирку затеяла, мы поняли, что они клюнули. Ночью Ирина позицию заняла, а я, как ее проводил, вернулся и простыни к колышкам подвязал, а в наволочки камни засунул. Вот они на ветру и не колыхались. Потому Аслан первым выстрелом и промазал. Не было у него шансов с такого расстояния, без точной поправки. А второго Ирина ему сделать уже не дала...

– Аслан... – Новиков зло усмехнулся. – Интересно, как его на самом деле зовут?

– Имена настоящие и у него, и у нее, – ответил Володя. – И фамилии. Тут, честно говоря, мутная история... В ноябре две тысячи второго на окраине Кизляра, в одном из домов заблокировали команду из Чечни. Они там на втором этаже прятались, в квартире. Наводка была, что ребята райотдел милиции собрались рвануть... Ну, дом ночью окружили, предложили сдаться. Басмачи – в отказ, отстреливаться начали. Можно было еще поугovarивать, но наши не стали. На штурм пошли. В общем, бой местного значения. Чехов, конечно, уничтожили, только с ними заодно и полдома почти разнесли. А там, на первом этаже, как раз под той самой квартирой, двое детей оставались: мальчик с девчонкой. Родители в село к родственникам поехали... Парнишку – сразу насмерть, шальным осколком. А девочка в больнице через неделю... Дело, понятно, повернули так, что это чехи сверху гранату бросили, и осколок на первый этаж угодил. А чья граната на самом деле была...

Пониматкин достал из кармана уже знакомую Ирине карточку и протянул ее Новикову:

– Вот, у Аслана в кармане было... Он, оказывается, мастер спорта по стрельбе. Еще в СССР. В принципе, человек мирный, в боевых действиях не участвовал. В той квартире жить не смогли, переехали сюда, к Руслану... Тайник мы его снайперский нашли, но что там лежало, никто и никогда уже не узнает. Хорошо, Данилюк туда с ходу не полез, догадался веревку к крышке привязать. Шарахнуло так, что крышка эта просвистела как фанера над Парижем.... Эсвэдэшка его у нас, и сейчас все аналогичные случаи проверить надо. Кстати, винтовка классная, из первых серий...

– А где Асият? – спросил Новиков, продолжая разглядывать фотографию.

– Исчезла. Куда – не знают. А может, не говорят.

Командир помолчал немного, а потом резко опустил кулак на стол:

– Черт, если б раньше знать... Нет, я все понимаю! Если бы моих пацанов вот так же, тоже бы не спустил... Но, с другой стороны, мы-то при чем? Наш отряд, я имею в виду. У Витьки Кузьмина сыну четыре годика, сиротой остался. Жена, говорят, с горя пить начала... А у Пети Смирнова – тоже двое, как и у... – Новиков запнулся и нервно дернул головой. – Я ж к ним по-человечески. Работу дал...

- Мы убили их детей, Илья, – тихо сказала Ирина.
- Да почему мы-то?!
- Потому что – мы! Война потому что...

Город Юрьевск

Скучающая продавщица наблюдала, как усталого вида молодая женщина перебирает плюшевых зверушек, вперемежку сваленных в большой корзине. Универмаг стоял на привокзальной площади, и многие, едва сойдя с поезда, спешили сюда, чтобы приобрести для своего чада какую-нибудь игрушку, якобы специально купленную для него в командировке.

Вот и эта странная покупательница, судя по багажу, тоже с поезда. Торчит здесь уже минут десять с мрачной физиономией и никак решиться не может. Можно подумать, корову выбирает...

Продавщица подошла к ней:

– Вам помочь?

Та, не ответив, повела головой.

– Это не весь ассортимент. В соседнем зале – тоже мягкие игрушки.

– Спасибо...

– Там специализированный отдел, – не отставала продавщица. – Выбор больше и для различных возрастов. Вашему ребенку ско...

– Послушайте, я что, сама игрушку выбрать не смогу? – неожиданно огрызнулась покупательница. – Это что – телевизор? Или стиральная машина?!

– Извините... – опасливо отодвигаясь, пробормотала продавщица.

Женщина зло стрельнула в нее глазами, взяла лежавшего сверху медвежонка и, подхватив багаж, направилась к кассе.

Взглянув на свой «зоопарк», Ирина нахмурилась: порядок расстановки зверей изменился.

Она поменяла местами Волка и Рысь, а затем поставила с краю купленного в универмаге медвежонка.

– Я привезла вам нового товарища... Теперь твое место – здесь. Запомни: меняться нельзя!

Лиса, Лев, Кабан, Слон, Носорог, Рысь, Лось, Волк и Медведь, словно живые, смотрели на нее глазами-бусинками.

– Простите меня... – тихо прозвучало в комнате.

Вошла мать с чемоданом:

– Вот, протерла. Можешь убирать, до следующих курсов.

– Спасибо... Мам, я ведь тебя уже не раз просила игрушки не переставлять.

– Господи, да я там только пыль смахнула... Стоят себе, и пусть стоят, раз тебе нравится. Но какая разница...

– Есть разница! – с неожиданной жесткостью в голосе отрубил Ирина. – Пусть все будут на своих местах.

Мать посмотрела на дочь сначала с удивлением, а потом и с испугом:

– Нет, ты точно сумасшедшая...

* * *

Герой России, командир отряда милиции специального назначения Иван Николаевич Кленов выбивал пальцами на столе похоронный марш Шопена. Ритм, во всяком случае, угадывался.

– Н-да, задача... Может, тебе пока уехать куда-нибудь? Курсы какие... Или путевку в санаторий организуем. На Байкал, допустим... У меня там знакомый есть, сделает. А?

Ирина покачала головой. Как ни странно, страха она не ощущала. Только какую-то всеохватывающую усталость. И безразличие, точнее, опустошенность. Так с ней почти всегда бывало, и длилось некоторое время – пару недель или чуть больше, после успешно выполненного задания. А неуспешных, собственно, и не было. Иначе, вероятно, не было бы уже и самой Ирины. А она пока есть. И живет – не сказать что в свое удовольствие, но, по крайней мере, ее существование имеет смысл, она приносит пользу обществу. Или ей только кажется, что приносит? Потому что вкус к этой самой жизни у нее куда-то пропал, словно все силы, вся способность радоваться ушли в эту самую работу.

– Смысла нет, Николаич. Захотят найти – найдут... И ждать будут столько, сколько надо. А всю жизнь прятаться не собираюсь.

– И что ты предлагаешь? Сидеть сложа руки?

– Я предлагаю горячку не пороть. То, что Асият исчезла, ни о чем еще не говорит.

– В том-то и дело, что не просто исчезла, а, по слухам, направляется в наши края. А может, уже в Юрьевске. И вряд ли ради того, чтоб в музей сходить. Все ж таки у нее не барана зарезали, а мужа завалили. А у них кровная месть – святое. По словам Новикова, информация – достоверная. У одного его опера в селе источник имеется. Похоже, эта дамочка врубилась, какой ты повар...

– Да с чего ты взял? Уехала я не сразу, а через несколько дней только. И приказ, запрещающий сотрудникам женского пола нести службу в полевых подразделениях, вышел до моего отъезда... Все чисто.

Кленов махнул рукой.

– Ладно! Раз не хочешь уезжать, давай тогда хоть наши ребята тебя подстрахуют. Все ж спокойней.

– Тоже не выход. На улице я и сама за себя постоять смогу, а если те с дистанции работать будут, то телохранители не помогут. И потом где ты свободных людей возьмешь? Ребята и так из-за этого форума сутками пашут.

Командир от похоронного марша перешел к «Прощанию славянки».

– Слушай, а выходи и ты на работу! За командировку отгуляешь позже, когда обстановка позволит. Дел сейчас по горло, лишние руки не помешают. Да здесь и я, по крайней мере, за тебя спокоен буду.

– Только с завтрашнего дня, хорошо? – улыбнулась Ирина. – Сегодня у нас гости.

– Договорились. Кстати, в твоё отсутствие пришлось обмундирование получать. Под форум барахло всякое подогнали. Я Быкова на центральный склад посылал. Ты проверь, не напортил ли он чего в бухгалтерии...

* * *

Примерив новые черные туфли на высоком каблуке, Ирина покрутилась перед зеркалом. Вроде ничего... подходят. Белый брючный костюм она купила лет пять назад, но надевала редко. И сейчас, критически оглядев себя со всех сторон, осталась довольна. Костюм сидел безупречно – так же, как и в день покупки. Образ завершит черная сумочка. Черное и белое – как инь и ян, добро и зло, две противоположности в одном. В одной...

Она бросила взгляд на часы.

Ого, уже почти два! Мама давно должна бы вернуться. Ну где, спрашивается, ее сейчас искать? И ведь сколько раз предлагала купить ей мобильный телефон, так нет, ни в какую. Мол, все равно нигде не бывает, потому ей эти современные штучки – без надобности. Только трястись будешь, что украдут.

Можно подумать, что за нее саму трястись некому...

Оперуполномоченный отряда милиции специального назначения Соломин по производному прозвищу Солома захлопнул багажник очередной машины, махнул водителю и поднял голову. Солнышко еще и не думало отправляться на покой. Террористов ловить – не переловить... Интересно, в чью светлую голову пришла замечательная мысль, что их вообще можно поймать, устраивая на дорогах пробки и проводя выборочную проверку багажников? И без того ментов не любят, а теперь уж и открыто матерят. Только он, майор милиции Дмитрий Соломин, здесь ни при чем. Он, если разобраться, не причина всего этого бардака, а та же жертва. Причина на дороге не стоит, причина в кабинете заседает.

– Эй, кладоискатель! – окликнул Солому молодой напарник Серега Елагин. – Нашел что интересное?

– Интересно только одно – когда нас на обед отпустят, – лениво откликнулся тот.

– Кто о чем... Слушай, сейчас по рации ориентировку передали. На Королёва двое на обменник наехали. То ли пытались обнести, то ли обнесли. Один свалил на красной тачке.

– И что?

– Да минут пять назад тут красный «жигуленок» крутился. Сначала вроде в очередь встал, а потом вдруг резко развернулся и в переулок шмыгнул. Думаю – не та ли тачка...

– А про марку в ориентировке что сказали?

– Про марку? – Сергей пожал плечами. – Про марку ничего. Но цвет совпадает.

– У Быкова «девятка» тоже красная, – заметил Соломин, жестом останавливая очередной автомобиль. – Совпадает. Стало быть, завтра колоть будем, куда доллары подевал.

– Я ж серьезно...

– И я серьезно. Ты что, первый день в ментовке?

– Нет, – усмехнулся Елагин. – Второй...

Ирина услышала наконец, как в замке проворачивается ключ, и поспешила в коридор.

– Ты чего так долго? – подхватила она у матери сумки. – Я уже волноваться начала.

– На базар ездила. Для хороших чебуреков парное мясо нужно. Сметану заодно взяла. Настоящую, деревенскую, а не кефиром разбавленную, как в универсаме. А с базара теперь добираться – сплошное мучение. Пешком – и то быстрее будет. Милиции на улицах отродясь столько не видела. Что-то случилось?

– Международный экономический форум, мам. Провокаций бояться, вот и ловят террористов по всем подворотням.

– Лучше бы воров ловили. Вон, иду сейчас, а на лестнице подозрительный тип топчется, высматривает что-то... Может, ждет, когда пенсионерка какая-нибудь дверь откроет. Даст ей по голове и все вещи вынесет.

– Где стоит? – насторожилась Ирина.

– Да прямо над нами, между этажами. Я только стала...

Ирина остановила мать предостерегающим жестом, подошла к двери и прислушалась. С лестничной клетки не доносилось ни звука.

Она осторожно приоткрыла дверь. Чья-то тень мелькнула вверх по маршу.

– Эй, вы кого-то ждете?! – Ирина высунулась на площадку.

В ответ – тишина, а потом чуть слышные удаляющиеся шаги.

Ирина прикрыла дверь и осторожно двинулась вверх по лестнице. Стать невидимой и неслышимой мешали проклятые каблуки. И дернул черт именно теперь примерять! Но босиком тоже не набегаешься. Однако и незнакомец, хоть явно не был на каблуках, передвигался не бесшумно и, судя по звукам, шаг ускорил. Через несколько секунд Ирина услышала, как

со скрипом отворилась дверь на чердак. В следующее мгновение ей показалось, что оттуда донеслась короткая ругань, но потом все стихло.

Инспектор по тылу вошла в азарт. Инстинкт охотника. Разум велел вернуться в квартиру, а инстинкт – догнать. Неизвестно кого. Неизвестно зачем. Но надо. Она извлекла из сумочки любимого «макарыча», старого, проверенного друга, и, прижавшись спиной к стене, по собачьи принялась и прислушалась. Затем резким движением распахнула дверь, чуть выждала и, присев, осторожно заглянула внутрь.

Пространство чердака тонуло в темноте. Узкие полоски света проникали лишь через щели выходящих на крышу люков. Тишину оживлял негромко подвывающий сквозняк – эдакий легкий саундтрек к триллеру или, скорее, к фильму ужасов. Только здесь был не киношный ужастик, а явь...

– Есть тут кто? – окликнула Ирина.

А в ответ – тишина... И не закуришь, мама...

Ирина скользнула внутрь, остановилась и, дав глазам немного привыкнуть к темноте, осторожно двинулась вперед, держа «макарыча» в боевой позиции. Держала на бедре, а не перед собой, как в тех же триллерах, на вытянутой руке, – так его легче всего выбить.

Она не видела мужчину, прятавшегося за вентиляционной шахтой метрах в трех от входа. Не видела, как он достал из-за пояса нож и поднял его для удара...

Вслед за Ириной на лестницу выглянула мать. Нина Михайловна уже ругала себя: зачем сказала про того типа? Вот дура старая! Господи, чего Ирка за ним поперлась? Ну что ей все неймётся... Мало ли кто на лестнице стоит... Что – у всех документы проверять?

Она решительно направилась к чердаку. И тут откуда-то сверху раздался грохот, тут же сменившийся матерной тирадой и коротким стоном.

– Ира! – схватила за сердце мать.

Ответа не последовало.

Нина Михайловна преодолела последний марш, когда с чердака, хромая и морщась от боли, выбралась Ирина. Белоснежный костюм стал грязно-серым.

– Что с тобой?!

– Упала... Нога между досок угодила.

Опершись о перила, дочь сняла левую туфлю.

– Каблук сломала... Надо в мастерскую срочно нести.

– Я сама завтра отнесу. Мастерская – вон, через дорогу.

– Ага, завтра... А в чем я на работу пойду?

– У тебя ж не единственная пара.

– Мамуль, ну как ты не понимаешь, они для меня – как талисман. Я их купила, когда... Ну, неважно. Главное, в первый день на работу хочу в них пойти.

– Странная ты у меня. Приметы какие-то, звери, туфли вот теперь... Ты словно какой-то защитный круг вокруг себя создаешь. Словно боишься чего...

– Нет, мам, не боюсь. Хотя... все мы чего-то боимся, даже если не осознаем. Ну суеверная немного, и что?.. Мне – так легче.

* * *

Сапожник повертел в руках туфлю и флегматично поинтересовался:

– Вам срочно или оставите?

– Если можно, срочно, – ответила Ирина.

– Отчего ж нельзя? Можно и срочно. Двести сорок рублей.

– Хорошо. – Ирина вытащила кошелек.

Отсчитав сдачу, мастер кивнул на узкий диванчик у противоположной стены каморки:

– Присаживайтесь. Минут пятнадцать придется подождать.

Возле диванчика на небольшом трехногом столике покоился потрепанный журнал, пол-обложки которого занимали силиконовые прелести некой неопознанной девицы. Назывался журнал почему-то «Анекдоты», хотя столь выдающийся бюст должен был бы вызывать не смех, а по крайней мере уважение. Или зависть. Или сочувствие... Тут уж с какой стороны посмотреть.

Ирина потянулась за журналом, но в этот момент дверь каморки отворилась, и в мастерскую, подволакивая ногу, вошел худощавый парень лет тридцати. Заинтересованно глянув на Голикову сквозь толстые стекла очков в изящной металлической оправе, он подошел к прилавку, нагнулся, стащил с правой ноги сандалию и протянул ее сапожнику:

– Не поможете моему горю? Ремешки порвались.

– Вам срочно?

– Хотелось бы. А то босиком как-то не комильфо – носок постоянно сползает.

– Тогда за дамочкой будете. – Мастер положил сандалию на верстак слева от себя.

– А сколько это займет времени?

– Постараюсь не задерживать.

Ирина чуть отодвинулась в сторону, освобождая место. Мужчина благодарно кивнул, на левой ноге допрыгал до дивана и плюхнулся рядом. Потянулся было к журналу, но, вспомнив про соседку, отвел руку. Ей даже показалось, что он покраснел. Какой-то несуразный, словно большой ребенок.

Вопреки подавляющему большинству девиц, предпочитающих мачо или, как там сейчас модно называть волосатых и плечистых, – альфа-самцов, Ирине нравились очкарики. Еще со школы. Они казались ей загадочными и умными. А интеллект привлекал гораздо больше, чем ярко выраженные маскулинные черты. Может быть, потому, что сама была не из тихонь? Неудивительно: отец-спортсмен воспитывал дочку соответственно. Потому и мальчишечьи игры всегда были ей по душе – уже после четвертого класса каталась с мальчишками в излучине реки на плотах. А в пятом – влюбилась. В отличника, который вдобавок еще играл на виолончели. Парнишка носил очки и был старше не на два года, как подойти к нему, она не представляла. Слишком неприступным и умным он ей казался.

Но однажды случай представился. Она вышла в коридор после факультатива по русскому и увидела предмет своих грез в окружении троих амбалов из девятого. Музыкант прижимал к себе виолончель в чехле, словно ребенка. Вид у него был беспомощный. Но что поразило ее больше всего – один из парней сорвал с него очки и отшвырнул в сторону. Ирина вдруг ощутила, как ее с головой окатила холодная волна. И это не был страх. Она бросилась за очками, подняла и протянула музыканту. А потом с ненавистью взглянула на амбалов: «Какие же вы трусы! Козлы! Трое на одного!» – «А это что за сопля-защитница тут?» Самый крупный схватил ее за нос. Глаза защипало – не столько от боли, сколько от обиды. Она вырвалась и, неожиданно для самой себя, со всей силы залепила обидчику оплеуху. Двое других парней заржали. Пока амбал потирал щеку, раздумывая, что ему делать – не драться же с малявкой, не солидно, – дверь класса открылась, и в коридор вышла учительница...

Как ни странно, после того случая от музыканта отстали. По крайней мере она не видела, чтобы его кто-то обижал. Спасибо он ей тогда не сказал – наверное, постеснялся. А потом его перевели в другую школу...

Сколько лет прошло, а словно вчера было. Сильные эмоции не имеют срока давности.

Ирина улыбнулась воспоминаниям, посмотрела на плакатик «Подари обуви вторую жизнь». Парень смотрел в том же направлении, видимо, тоже погрузился в себя. И вдруг нарушил молчание:

– Простите! Мне крайне неловко, но... я очень спешу, меня клиент ждет. Не могли бы вы меня пропустить?

– Ну, раз клиент ждет...

– Вот спасибо! – обрадовался тот. – Понимаете, я...

Интересно, какое животное он напоминает? Так сразу и не определишь. Может, зайца? Нет, зубы вроде не кривые. И симпатичный. Нет, не заяц. Но и уж точно не лев. А если из пернатых? Для удода или дятла – нос коротковат. Не филин. Кто там на одной ноге стоит? Журавль? Такой же длинноногий и нескладный. Или?

– Девушка, на секундочку! – позвал сапожник.

Голикова пошла к стойке, а журавль снял очки, протер стекла и, пристроив оптику около себя на диване, потянулся за «грудастым» журналом.

– Смотрите... – Мастер продемонстрировал Ирине туфлю. – Втулка наперекос пошла, держаться не будет. Лучше каблук целиком заменить. На сто рублей дороже...

– А быстро сделаете?

Сапожник кивнул.

– Хорошо, – согласилась Ирина. – Только сначала молодого человека обслужите, а то он торопится.

Молодой человек, оторвавшись от журнала, благодарно улыбнулся. Ирина чуть улыбнулась в ответ и опустилась на диван. И тут же под ней что-то хрустнуло. Она подскочила. Они вскрикнули одновременно.

Оправа... Оправа очков под ее весом превратилась в нечто бесформенное. Стекла, правда, уцелели, но толку-то...

– Зачем вы их положили? – пошла в атаку Ирина, встав напротив и уперев руки в бока.

– А что я должен был – их поставить?

– На стол могли положить. Или в карман!

Парень начал выгибать оправу, но в результате доломал окончательно. Одно из стекол вывалилось на пол.

– Всё, приехали... – обреченно уронил он. – Вы-то хоть не поранились?

Ирина подняла стекло и протянула парню.

– Не поранилась, – буркнула она, одергивая платье. Хорошо хоть не порвала, а то для одного дня это уж слишком – костюм, туфли, очки... Прямо не женщина – катастрофа какая-то. Она посмотрела все еще раздраженно: – А вы видели, что я сажусь, могли бы и убрать. Или специально подсунули?

– В последний раз кнопки соседке по парте подкладывал, лет двадцать назад, – пожал плечами тот. – Внимания добивался... А вот очки – не приходилось. Тем более собственные. Знаете, я уже большой мальчик и нашел бы более оригинальный способ...

– Не трудитесь!

Время, пока мастер доделывал ее туфлю, прошло в молчании.

Выйдя из мастерской, Ирина поспешила к пешеходному переходу.

– Девушка!..

«Ну вот и дождалась...» Она обернулась, нащупывая в сумочке пистолет.

Из «Жигулей»-«пятерки» вызывающе красного цвета выбирался тот самый очкарик, только уже без очков.

– Подождите...

Ирина остановилась, не вынимая руки из сумки.

– Ну?..

– Вы извините, пожалуйста, если я чего лишнего наговорил. Действительно, сам виноват. У меня с очками – вечная проблема. Привык в машине рядом с собой на сиденье класть. Вот и сейчас... Машинально.

– На шее носите, на цепочке. Целее будут.

– Приму к сведению, спасибо. Я еще спросить хотел... Вы машину, случайно, не водите?

– Вожу, но не случайно. А от тех, кто машину случайно водит, предпочитаю держаться подальше и вам советую.

– Вот и здорово, что водите не случайно. Может, подкинете меня до дома? Нет-нет, не подумайте чего... Я с честными намерениями. Просто без очков рулить не могу, а машину здесь бросать – чревато. В багажнике дорогой компьютер – клиенту вез. А дома у меня запасные очки, я снова стану зрячим и подвезу вас, куда скажете.

– Я вообще-то спешу, – попробовала отвертеться Ирина. Но получилось не очень убедительно, она все еще чувствовала себя виноватой из-за раздавленных очков. И злилась на себя – это ж надо было такой вороной оказаться, не заметить, на что садилась!

– Это займет максимум минут пятнадцать. К тому же я теперь как слепой Пью – помните, пират из «Острова сокровищ»? Только я не злодей, а скорее, потерпевший. Пока за руль не сел... – Мужчина обезоруживающе улыбнулся. – А если собью десяток-другой человек, это будет и на вашей совести.

– Да, но у меня прав с собой нет.

– Так тут рядом! Уж простите за назойливость, но выхода нет. Выручите?..

Дергая постоянно заедавшую передачу, Ирина вспомнила, как Игорь любил говорить, что в России за производство машин надо привлекать к уголовной ответственности. Это, мол, единственный способ кардинально решить проблемы отечественного автопрома. Наверное, в этом есть резон. У Игоря «пассат» был, на нем передачи гораздо мягче переключались. Впрочем, почему «был»? «Пассат» и сейчас есть. Это Игорь для нее уже... «был».

Голикова сердито покосилась на безделушку – закатанную в пластик копию стодолларовой купюры. Безделушка постоянно мельтешила перед глазами, и это раздражало не меньше заедавшей передачи.

– От прежнего хозяина осталось, – пояснил «Слепой Пью». Видимо, ощутил ее раздражение каким-то другим органом чувств. – Мол, как он эту сотенную сюда повесил, так ему и фартить стало. Так что, говорит, пусть висит. Может, и тебе подфартит. Похоже, сбывается... А вы знаете, кто изображен на стодолларовой купюре?

– Не помню. Франклин, кажется.

– Совершенно верно, Бенджамин Франклин. А кто это?

– Президент... – не отрывая взгляда от дороги, недовольно ответила Ирина.

– Вот! И многие так думают. По аналогии. Даже в Интернете на многих сайтах пишут, что на стодолларовой купюре изображен президент Франклин. А на самом деле он никогда не был президентом Соединенных Штатов. Бенджамин Франклин был ученым, хотя и не чуждым политике. Один из авторов конституции США. Вы поговорку «Время – деньги» слышали?

– Конечно.

– Его слова. Я почему еще Франклина упомянул... В числе его изобретений, которыми человечество пользуется до сих пор, фигурируют и очки. В их уже современном виде. Очки, благодаря которым мы с вами познакомились.

– Благодаря? – Ирина усмехнулась. – Смелое утверждение! К тому же мы с вами не знакомились.

– Ой, виноват... Позвольте представиться: Денис! А... вы?

– Ирина.

– А сразу не скажешь...

– То есть? Я на Феклу, что ли, больше похожа?

– Да нет. У вас вполне аристократическая внешность. Просто в переводе с древнегреческого ваше имя означает «мир», «покой».

– Ага, а я – деструктивная личность, раздавившая ваши очки. И покой мне только снится...

– Вовсе я не о том, – поправился Пью-Денис. – Кстати, имя Фекла, которое вам так не нравится, тоже имеет весьма позитивное значение. Означает – «Слава Божия». А чем вы, Ирина, занимаетесь? Если не секрет...

– Так... Свободная художница.

– Прекрасная профессия. Главное, что свободная... А я вот компьютеры ремонтирую. Хотя хотел бы заниматься совсем другим. Я ведь тоже... Ой, мы поворот проскочили! Заболтал я вас... Надо было по Чехова – налево!

Ирина ругнулась про себя. И угораздило же связаться! Следующий разворот только за площадью, а это – крюк еще тот. Но на встрече – никого. Ладно, кто не нарушает правил, тот не ездит... Она вывернула руль влево и, развернувшись, двинулась в обратном направлении.

– Ну, вы даете! – восхитился Денис. – На улицах гаишников полно... Ну вот! Помяни черта, он и появится...

Инспектор ГИБДД выскочил наперерез и энергично взмахнул жезлом, словно фея волшебной палочкой.

Ирина свернула к тротуару и остановилась.

– Ира, не беспокойтесь! – решительно заявил Денис, открывая дверь. – Это моя идея была, так и отвечать мне.

Но инспектор, словно не замечая его, подошел к машине со стороны водителя и небрежно козырнул Ирине. При ближайшем рассмотрении никакого сходства его с феей явно не обнаруживалось.

– Лейтенант Мохов. Права будьте добры!

– Подождите... – Денис протянул ему свои документы. – Машина – моя.

– А я разве спрашиваю, чья машина? Я, кажется, прошу водителя предъявить права.

– Понимаете, я на очки сел... Сам сел! Нечаянно. А без очков ездить не могу, – взывал к милосердию инспектора Денис. – Смотрите, у меня и в правах написано: «в очках». Видите?.. Не могу же я нарушать, раз написано, правильно? Вот и попросил девушку отвезти меня домой.

– А что, девушкам через двойную сплошную дозволено? – Немилосердный инспектор снова нагнулся к Ирине: – Ваши права!

– Они дома остались, – пояснила злостная нарушительница.

– Замечательно. Тогда пройдемте в нашу машину, составим протокол.

Ирина открыла дверцу, собираясь выйти, но тут как черт из табакерки перед лейтенантом снова материализовался Денис.

– Да подождите, какой протокол?! Я же вам объясняю, что это я виноват. Я, понимаете? На меня и составляйте протокол, если это так необходимо.

– На вас я сейчас наручники надену! – разозлился инспектор. – Не мешайте работать. Надо будет, и на вас составим... Отойдите в сторону!

Видя, что дело приобретает серьезный оборот, Голикова решительным жестом распахнула дверь.

– Погодите, Денис!

Она втиснулась между мужчинами и, повернувшись к инспектору, быстро достала из сумочки служебное удостоверение:

– Извините, я действительно нарушила. Больше не повторится. А права у меня имеются, но они дома. Я не планировала садиться за руль.

– А сразу было не сказать? – уже миролюбиво укорил инспектор. – Зачем цирк-то устраивать? В следующий раз не посмотрю... Счастливого пути!

Козырнув, лейтенант удалился.

Голикова повернулась к Денису:

– Поехали!

– Интересно, что вы ему показали? – спросил он, когда инспектор скрылся из вида.

– Удостоверение свободного художника, – улыбнулась Ирина.

– А-а-а... Так вы вообще права можете с собой не носить. Кстати, знаете, где водительские права впервые появились?

– В Америке, наверное.

– Тоже очень распространенное мнение, – кивнул Денис. – Нет, не в Америке. В Париже, в тысяча восемьсот девяносто третьем году. Между прочим, чтобы их получить, нужно было всего лишь продемонстрировать полицейскому, что ты умеешь водить автомобиль. Очень просто, и никакой бюрократии... О, вот и мой дом! Давайте здесь остановимся... Два окна на последнем этаже видите? Там мои пенаты... Спасибо! Вы пока в машине посидите, а я быстро за очками сбегая, и потом...

– Не надо, – перебила Голикова. – Вас клиент ждет.

– Да я уже предупредил, что в пробке застрял, намертво. Еще из мастерской позвонил. Из-за этого форума у нас в городе тотальный форс-мажор, так что вполне достоверно.

– Нет, спасибо. Я сама доберусь... Всего хорошего!

Он догнал ее у автобусной остановки. Неожиданно прыткий оказался для Слепого Пью.

– Ира... Знаете, не хочется опускаться до банальностей и просить телефончик... – Денис извлек из кармана визитку. – Вот, возьмите! Мало ли, с компьютером проблемы... или еще что... Я теперь ваш должник и буду рад помочь. И вообще, с вами очень удобно нарушать правила...

* * *

– Н-да...

Кленов сбацал пальцами «Реквием» Моцарта и посмотрел на Ирину как оркестрант на дирижера.

– Давай все-таки путевочку на Байкал организуем...

– Не надо.

– Нет, ты погоди геройствовать, – продолжил командир. – У этих ребят вендетта – сама знаешь, любимое занятие... С этим не шутят. Я не исключаю, что тот тип, который на чердаке прятался, – с их грядки. Мать хоть рассмотреть его успела?

– Нет. Подозрительный, говорит, и всё.

– Слушайте... – поднял взгляд сидевший напротив самый храбрый на свете оперативник Быков. – А если он от Асият, то какой ему был смысл на лестнице светиться? Адрес-то уже вычислили. Пасли бы по-тихому...

– А кто сказал, что они специально засветились? – возразил Кленов. – Проколы у всех бывают. А может, у них свои соображения на этот счет. Вдруг они не убить хотят, а... похитить?

– Спасибо на добром слове, Иван Николаевич, – иронично поблагодарила Ирина. – Быть застреленной сразу – это еще куда ни шло, а вот попасть к ним в лапы живой, чтоб шкуру содрали или голову отпилили? Спасибо, уж лучше вы к нам...

– Я тебе еще раз говорю: ты напрасно с этим шутишь! – повысил голос начальник. – Аслан мастер спорта был, мог и жену по этой части натаскать... Кроме того типа, что на лестнице отирался, ничего подозрительного не происходило? Во дворе, может, или еще где?

– Нет вроде. Хотя... Навязался вчера один. Пришлось его даже домой отвозить.

– То есть? – Быков насторожился.

Ирина вкратце рассказала о своем неожиданном знакомстве с программистом, опустив сведения о Бенджамине Франклине.

Командир тут же выдвинул перспективную версию:

– Может, это и случайный человек, а может... Вчера депеша из Москвы поступила. Во время экономического форума возможны провокации в отношении сотрудников силовых структур. Ко всему готовыми надо быть... Как думаешь, он очки на диван случайно положил?

– Откуда ж я знаю? Но вообще-то на бандита не похож. Нескладный какой-то. И – умный, знает много.

– «Умный»... – передразнил Кленов. – Да если б против нас одни дураки воевали, мы б давно победили. А чем занимается?

– Сказал, что компьютеры ремонтирует. А!.. – Ирина порылась в сумочке. – Визитку оставил. Вот!

– Малинин Денис Николаевич. Ремонт компьютеров на дому... – Командир протянул карточку Быкову: – Пробей по базе.

Тот переписал данные на листок и, вернув визитку Ирине, заметил:

– Я, кстати, вот о чем подумал... Если этот фраер, как ты говоришь, на машине ехал, то где ж тогда сандалию порвать умудрился? В машине ее не порвешь, как ни старайся. Он мог сделать это только на улице, причем в твоём районе... – Леха вдруг запнулся и переменился в лице: – Слушайте, а не он ли сам на чердаке прятался?! А потом – проследил до мастерской. И сандаля нарочно порвал. Или в той же дырке, что и Ирина.

– Вообще-то я слышала, как тот тип выругался, – вспомнила Голикова. – Сразу, как на чердак зашел. Я ж туфлю тоже сразу сломала...

Господа аналитики переглянулись, словно игроки клуба «Что? Где? Когда?», чувствуящие, что минута тает, а ответа нет.

– Любопытное совпадение... – Кленов начал выстукивать сороковую симфонию Моцарта. – Ты номер его машины запомнила?

– Цифры.

– Достаточно. На, запиши... И адрес тоже.

– Адреса не знаю, только дом.

– Пиши, разберемся...

Командир нажал кнопку селектора.

– Дежурный слушает! – прохрипел динамик.

– Срочно найди Репина. Пусть зайдет.

Лучший в мире взрывотехник Анатолий Репин по прозвищу Пикассо откинулся на сиденье и потянулся.

– Три часа уже здесь торчим. Бррр... Между прочим, ничегонеделание – это очень тяжелый труд. И должен достойно оплачиваться.

– А по мне лучше так, чем машины на улице шмонать, – отозвался сидевший за рулем Быков. – Тепло, светло и мухи не кусают... Слышал, кстати, что позавчера опера из Зареченского района на блокпосту учудили? Останавливают вечером для проверки «лендровер дискавери». Оттуда высовывается интеллигентная рожа и, типа, «Чем могу?» Те ему вежливо: «Проверка документов. И машину к досмотру предъявите, будьте добры!» – «А на каком основании?» Опера в ответ – как инструктировали: «Особый режим безопасности в связи с проведением международного экономического форума». А тот в бутылку полез: «Ничего про ваш особый режим не знаю и знать не хочу. Конституционных норм из-за форума никто не отменял, поэтому никаких досмотров я вам делать не позволю». В общем, погорячился. И насчет норм – тоже... Короче, помогли ему из салона выйти, указали на допущенные ошибки и стали машину шмонать. Причем капитально, чтоб не марал своими грязными лапами Конституцию...

А у «дискавери», как ты знаешь, сзади не багажник, а натуральная однокомнатная квартира. Бегемота спрятать можно. Сашка Филиппов туда как сунулся, так и ушел по самые пятки. Все внутри с фонариком обшарил – ничего подозрительного. Стал наружу выбираться и вдруг

видит – между двух коробок с барахлом ствол выглядывает. Достает – и точно, «макаревич»! Хозяин машины как ствол увидел – сразу в истерику. «Провокаторы, – кричит, – беззаконие!» Страсбургским судом даже грозил. Ну, за провокаторов ему снова по жбану настучали. В воспитательных целях... Потом вызвали машину и отправили мужичка в ближайший отдел. А наутро после смены пошли оружие сдавать. Филиппов куртку расстегивает – глядь, а подмышечная кобура пустая! Тут его и торкнуло, чей «макар» он в багажнике «лендровера» обнаружил... В общем, Саньке теперь не позавидуешь. Этот дуст адвокатом оказался, да еще и членом какой-то международной правозащитной организации. От такого ящиком водки не отделаешься... К тому же ребята из убойного отдела в главке с ним тоже успели основательно поработать. Пока не пробили, чей ствол... Глянь, это не тот?

Во двор медленно въехала красная «пятерка». И остановилась возле углового подъезда.

– Он! – подтвердил Репин, рассмотрев номер.

– Как такая рухлядь еще ползает? – фыркнул Быков. – Видать, у басмачей с финансами совсем плохо стало. Или маскируются.

– Зато в такую рухлядь не жалко килограммов пять тротила запихать и в людном месте поставить, – заметил Анатолий, доставая из кармана небольшой приборчик в черном пластмассовом корпусе.

– Что за хрень? – поинтересовался Быков.

– Кодграббер.

– Моя русски пльохо понимает.

– Потом... – отмахнулся живописец-самоучка.

Из машины выбрался худощавый очкарик, открыл багажник и достал на свет божий две большие хозяйственные сумки. Подхватив поклажу, нажал кнопку на брелке. Машина в ответ мигнула фарами.

Репин, глядя на экран приборчика, презрительно усмехнулся:

– Тоже мне, компьютерщик... Охранка – чуть не восемнадцатого века.

– Так ты скажешь, что это у тебя за хрень?

– Эта хрень считывает импульс с брелка управления сигнализацией, расшифровывает его, а потом может воспроизвести. Эфэсбэшники поделились, на время форума.

Быков восхищенно присвистнул.

– Ни фиги себе... Получается, с ее помощью любую тачку открыть можно?

– Не любую, конечно. Обычно – процентов восемьдесят.

– Тоже не кисло. И на хрена тогда все эти сигнализации ставить?

– Тот же принцип: восемьдесят и двадцать. Ты ставишь сигнализацию против восьмидесяти процентов населения. Оставшимся двадцати сигнализация по барабану, поскольку десять процентов из них – честные люди, а еще десять, если потребуется, взломают любую охранную систему. С помощью того же кодграббера. Но восемьдесят процентов населения – это все же больше, чем квалифицированное большинство... Ладно, хорош болтать! Клиент наверняка уже в адрес поднялся. Блокируй выход, а я займусь грязным делом.

Выйдя из машины, Быков тут же скользнул в подъезд, а взрывотехник с непринужденным видом подошел к «пятерке» и нажал кнопку на своем приборчике. «Жигули» снова подмигнули фарами и послушно щелкнули дверными замками.

Забравшись на водительское сиденье, наглый нарушитель законности осмотрелся и начал методично обследовать салон. Но ни в бардачке, ни в карманах дверей не обнаружил ничего интересного, кроме журнала с рекламой борделей, кои аморальная детвора раздает водителям на перекрестках. «Вид сзади» тоже разочаровал: в карманах чехлов передних кресел – ничего, кроме пустого стакана, потрепанного атласа автомобильных дорог и пакета с влажными салфетками. Приподнял задний диван – пусто.

Для очистки совести искатель пошарил рукой под передними сиденьями сзади. И – вот оно, счастье! Под пассажирским креслом обнаружился совсем не бутафорский пистолет имени Макарова. И его-то уж вряд ли оставил при обыске Саня Филиппов.

– Ствол по номеру пробили. – Леха Быков протянул командиру распечатку. – Числится в розыске, был похищен в феврале этого года в Махачкале, у тамошнего мента. Изымать не стали, чтоб не спугнуть.

– Это понятно, – кивнул Кленов. – Что еще?

– Машина чистая, принадлежит самому Малинину. Месяц назад купил ее у некоего Плоткина Александра Наумовича. Плоткин этот у нас по учетам не проходит... Хата – съемная. Хозяйка, Кочнева Елена Юрьевна, проживает в Волгограде, на нее у нас тоже ничего нет, кроме того, что она не платит налогов... Теперь – по самому клиенту. Малинин Денис Николаевич, тридцать один год, уроженец Кизляра...

– А ствол из Махачкалы. В принципе, один регион.

– Именно! Запрос по Малинину я туда уже закинул, но когда ответ будет – одному богу известно.

– Аллаху, – поправил Репин. – Там – его земля.

– Ну, Аллаху... Образование высшее. В данной квартире проживает около трех месяцев. Часто приносит и уносит что-то в больших хозяйственных сумках. Мы с Пикассо, кстати, тоже это видели. Жалоб со стороны жильцов на него не имеется. Вежливый, здороваётся всегда. Гостей не водит, живет тихо и неприметно.

– Как и подобает образцовому боевику, – заключил Репин.

В кабинете на некоторое время повисла тишина. Даже слышно стало, как этажом ниже дежурный орет кому-то в трубку: «Какой рейд?! Вы что, с ума сошли? У нас все люди на обеспечении форума!.. Да хоть министру звоните!»

Кленов покосился на Ирину:

– Чего ж он все-таки от тебя хотел?

– Как что?! – ответил за нее Быков. – Внедриться, узнать расстановку сил, а то еще и подставить...

– Асият, кстати, тоже из Кизляра, – посмотрев в глаза Кленову, негромко сообщила Голикова.

– Кто такая? – не унимался Леха.

– Так, знакомая... Не очень хорошая...

– А ремонт компьютеров – для прикрытия, – предположил живописец, – на улице человек с системным блоком в руках подозрения не вызовет. Особенно если он в униформе с надписью «Компьютерное село» или что-нибудь в этом роде. А внутри системного блока – килограмма четыре пластида и дистанционный взрыватель.

– Знаете что, братцы, – Кленов принялся выстукивать заглавную тему из «Семнадцати мгновений», – отдам-ка я все это в ФСБ. Терроризм – их хлебушек, пусть они его и кушают.

– Да ну, Николаич... – поморщился Леха. – С эфэбэшниками лучше не связываться. У них ведь как обычно: если все выгорит, то раздуют из мухи слона и ходят героями, будто они все сами реализовали. А если сорвется, так тихо отползут в сторону.

– А ты что предлагаешь?

– Сами справимся. Маленькие, что ли? Его самого мы знаем, где дохнет – тоже. Куда он денется?... Пикассо, ты прослушку на городской телефон поставить сможешь? Чтоб без судебных формальностей?

– Дом старый, – кивнул Репин, – раз плюнуть.

– Вот! Тачку его периодически проверять будем, благо приборчик у нас есть. У пистолета на всякий случай боек сточим, чтоб от греха подальше... А еще его на контакт выманить можно.

– Как это? – не поняла Ирина.

– Он тебе телефон оставил? Оставил. Позвонишь и скажешь, что компьютер сломался. Пусть приедет, посмотрит. А я, естественно, подстрахую.

Кленов достучал тему и, словно Штирлиц на пианистку Кэт, посмотрел на Ирину:

– Ты как, не против?

– Ну если надо... Позвонить не жалко.

– Не помешает. Кстати, он тебя спрашивал о чем-нибудь?

– Да все обычно. Как зовут, чем занимаюсь...

– Ну, а ты?

– Сказала, что художник.

– Почему художник? – удивился командир.

– Да так... Сорвалось с языка.

– Если он заслан, то все равно в курсе, где ты служишь... Короче, коль еще об этом речь зайдет – скажешь, что работаешь в отряде спецназа, инспектором вещевой службы. Но, так как милицию сегодня не любят, представляешься художником. Хобби у тебя такое.

– Я рисовать не умею, какой из меня художник? – фыркнула Ирина.

– Сегодня, чтобы быть художником, – заметил живописец со стажем Репин, – уметь рисовать совсем не обязательно. Главное – выучить несколько непонятных слов и время от времени с умным видом вставлять их в разговор. А с картинами я помогу.

Оставив Кленова наедине с бумагами, Быков с Репиным остановились возле висевшего на стенде боевого листка, выполненного в манере позднего Кандинского. Листок сообщал о героизме и мужестве бойцов отряда в тяжелую годину международного экономического форума.

– Слушай, Пикассо, не составишь компанию Ирку подстраховать? – подмигнув, предложил Леха. – Куда лучше, чем в оцеплении стоять. С Николаичем я решу.

– Думаешь, этот перец – замаскированный боевик? Сам не справишься?

– Дело не «в справишься» или «не справишься». Лишние глаза никогда не мешают.

– Сдается мне, у тебя тут далеко не служебный интерес, – по-ленински прищурился живописец.

– А если и так, что с того? Мы оба – свободные люди. И потом я на пельмени уже без тошноты смотреть не могу.

– Мужик женился – новую няньку нашел... А как же любовь?

– Любовь? Так кто ж против? Можно и по любви... Я любовь очень даже уважаю.

* * *

Развесив полотна собственного производства на спешно вбитых в стену гвоздях, великий художник отошел на пару шагов и взором маститого критика окинул содеянное. Затем вернулся, поменял пару картин местами.

– Так лучше будет, в плане композиции... Запомни: этот стиль называется кубизм. Как направление живописи возник в начале двадцатого века. Наиболее яркие представители – Пабло Пикассо и Жорж Брак. Не Барак Обама, а Жорж Брак.

– Дурочку из меня не делай, ладно? Я и так дурочка, – парировала Ирина.

– Ладно... Основная идея кубизма заключается в том, чтобы отвергнуть традиционные средневековые представления о перспективе и форме. Революция в живописи, короче... Куби-

сты дают новое видение пространства, разлагая его на простые геометрические формы. Понимаешь?

– Слушай... Ты яблоко можешь нарисовать? Или там вазу с цветами. Только без квадратов.

– Как говорил Сальвадор Дали – верх идиотизма рисовать яблоко таким, какое оно есть на самом деле. Для этого имеется фотоаппарат. Короче... Вот эта деревяшка называется мольберт. Не перепутай с палитрой.

– Я что, по-твоему, в школе не училась?

– Так, с живописью у нас не получается, – подвел черту взрывотехник. – Ладно, давай тогда о компьютере. – Он извлек из сумки ноутбук. – Брат моей Ленки в этом деле хорошо разбирается, так что сделал все, как я просил. Здесь небольшие проблемы с запуском, и понимающий человек устранил их за пять минут. Вот и проверим, какой из твоего ниндзи компьютерщик.

Ирина вспыхнула:

– Почему из «моего»?

– Ну не из моего же... Не придирайся к словам. Еще вопросы есть?

– Как себя с ним вести-то?

– Ну как... Естественно, как же еще? Когда к тебе водопроводчик приходит, ты как себя с ним ведешь?

– Он же не водопроводчик...

– Какая разница?

– Слушай, а вдруг он... это... приставать начнет?

Репин улыбнулся и распахнул руки, словно хозяин борделя перед гостем.

– Welcome... Как в том анекдоте: сам напал, сам пускай и отбивается. Главное – не волнуйся. И помни: ситуация под контролем.

Ирина накрашила ресницы и взяла подводку – тоненькая кисточка дрогнула в руке, и линия смазалась. Она вдруг осознала, что волнуется. Причем не только в связи с оперативным заданием. И не столько. Черт-те что! Глупости. Переживает из-за какого-то очкарика. «Надо в комнату лыжную палку принести», – некстати вспомнился фильм «Кочегар». Оружие лишним не бывает.

Она отошла от зеркала на пару шагов, критически оглядела свое отражение.

Пышная юбка немножко полнит, зато голубая блузка в обтяжку подчеркивает талию. Но работа требует жертв, в том числе и визуальных, – задрав довольно короткую юбку, поправила торчавший из закрепленной на бедре кобуры миниатюрный ПСМ – пистолет специальный малокалиберный, для хозяйственных нужд.

– О-о! – восхищенно выдохнул Репин, чуть ли не высываясь из слухового окна дома напротив с дальнобойным биноклем. – А ножки у нее ничего себе... Мне б такую натурщицу.

– Где?! – мгновенно проснулся кемаривший Быков. – Дай!

– Да не толкайся ты! Все равно уже поздно. Черт, кабы знать... Фотоаппарат ведь с собой.

Вырвав наконец у коллеги бинокль, Леха уставился на Иринино окно, словно Робинзон на женщину. Но комната уже опустела.

Он направил окуляры на двор.

– О, легок на помине! Смотри, вырядился, как на свидание, даже галстук нацепил. Цветов только не хватает. Снимай!

Репин быстро извлек из сумки фотоаппарат с оптическим прицелом.

– Смотри, а этот тип, случайно, не с ним?

– Который?

- Вон, черненький, в джинсовом костюме. Только что из арки вышел...
- Быков снова прильнул к биноклю:
- Черт его... По виду – кавказец, точно.
- Я его сфоткаю. На всякий пожарный... Подвинься!

Ирина отворила дверь. Программист снова улыбался. Теперь он неуловимо напоминал Шурика из гайдаевских фильмов.

– Добрый день! Извините, чуть не опоздал. Пришлось машину дома оставить, пешком – быстрее. Скорее бы уж этот форум закончился...

– Ничего, проходите. Только у меня тапочек нет. Мужских.

– Не страшно. У меня дома тоже нет тапочек. Женских. Я босиком.

В комнате гость остановился, не выпуская из руки потрепанный кейс. Посмотрел на мольберт. Лыжную палку Ирина замаскировала под упор для него.

– Вы одна живете?

Вопрос не очень логичный для компьютерного мастера. Но для «засланного казачка» – вполне. «Пианистка Кэт», однако, виду не подала.

– С мамой. Но ее сейчас нет. К сестре уехала. В Саратов.

Легенда была придумана профессиональным разведчиком Репиным. На самом деле летом мама жила на маленьком дачном участке с парником и парой грядок. Но сестра, Саратов... Так гораздо эффектней.

– Понимаю. Конфликт поколений... Как мудро было замечено в одном фильме, родителей надо любить издавека...

Гость остановился перед полотнами.

– Ух ты! Это ваши работы? Честно говоря, думал, что насчет художника вы пошутили... А неплохо, знаете ли!

– Ну, чего они там делают? – с интонацией мальчика, подглядывающего за женщинами в раздевалке, спросил у напарника истинный автор великих полотен.

– Ничего, – не оторвался тот от бинокля. – Мазню твою разглядывают.

– На «мазню» не обижаюсь. Слово «живопись» ты без бумажки все равно выговорить не сможешь.

– Меня за такую живопись еще в третьем классе за дверь выставляли... – парировал далекий от искусства Быков. – Слушай, а этот, который в джинсовке, так и сидит на скамейке. И тоже на Иркины окна пялится.

Пару минут полюбовавшись кубиками, ромбиками и шарами, гость повернулся к Ирине:

– Знаете, у вас отличное чувство цвета. Акценты потрясающе расставлены! И это смелое сочетание теплых и холодных тонов! А вот с композицией – только, пожалуйста, не обижайтесь! – не очень. Равновесие хромает... Впрочем, это только мое мнение, а я ведь дилетант. Кстати, что на этой картине?

– На этой?.. – Ирина на мгновение растерялась. – Это... Мексика! Мексиканские пейзажи. Пустыня, горы, кактусы...

– Надо же... Я, честно говоря, ее несколько иначе себе представлял. А почему вдруг Мексика? Бывали там?

– Нет. Но всегда об этом мечтала. Вот, может, накоплю денег и съезжу.

– Так продайте картины, – предложил программист. – Или они вам дороги как память?

– Я бы продала. Но кто их купит? За нормальную цену не продашь, а за копейки – жалко.

– Понимаю... К этому вопросу надо подойти правильно. Вон, на набережной у нас – целый Монмартр. У них ведь покупают... А знаете что? Ваши картины можно на интернет-аукцион выставить... Нет-нет, я серьезно! Сегодня очень многие бизнесмены скупают

работы никому не известных художников. Последний писк. И если грамотно подать, то возмут. Давайте так: я картины сфотографирую, а потом в Сеть выложу. Надо только прикинуть, как они лучше смотрятся: при дневном свете или при искусственном... Вы позволите?

Не дожидаясь ответа, Малинин подошел к окну и задернул штору.

– Свет включите на секунду...

– Она что, с ума съехала? – возмутился Быков. – Какого черта?! Знает же, что мы контролируем, и... О, опять открыли! Фигня какая-то...

– погоди! – Репин сжал его руку и указал вниз, во двор: – Смотри, наш джинсовый друг уходит... Похоже, штора – это сигнал.

– Точно, блин... Давай за ним! А я пока тут останусь.

– Нет, выключайте. При искусственном освещении лучше, – констатировал гость, отдергивая штору. – Цвета естественней смотрятся. Мягче... – Вдруг он уставился в правый нижний угол картины с двумя кубами – черным и фиолетовым, в каждый из которой была вписана оранжевая сфера. – А почему здесь подписано «Репин»?

– Ммм... Это меня мама в шутку «Репиным» называет, вот я так иногда и подписываю.

– Честно говоря, это совсем не его манера...

– Для мамы что Репин, что Пикассо – всё едино.

Малинин снова отошел на пару шагов и, чуть помолчав, заметил:

– Вы говорите – Мексика? А мне почему-то показалось, что вот это, например, портрет. Причем мужской.

– Нет, что вы... Это не мужчина, это... кактус! Но и вправду большой. На человека похож. Руки, голова... Они в Мексике до двадцати метров вырастают.

– Даже больше, – поправил Денис. – Называется цереус. Самый большой кактус на планете. В тысяча девятьсот семьдесят восьмом году в Аризоне ураганом свалило цереус. Высота этого кактуса была двадцать четыре метра, что по сей день считается рекордом. И на момент гибели ему было сто пятьдесят лет. Представляете, во время американо-мексиканской войны он уже рос! Мог видеть самого генерала Тейлора.

– Послушайте, откуда у вас такие познания? Вы – просто ходячая энциклопедия!

– В детстве болел много, – грустно улыбнулся гость. – Времени для чтения хватало. У нас большая подборка «Науки и жизни» была, отец много лет подряд выписывал. Так я все номера от корки до корки проштудировал. Тогда же и зрение посадил... Ну а где наш больной? А-а-а, вижу...

Он присел за стол и раскрыл ноутбук.

Стоя за спиной странного мастера, Ирина наблюдала за его манипуляциями. Ей вдруг показалось, что кобура на бедре съехала, и пистолет вот-вот вывалится. Она стала осторожно, сквозь ткань юбки, поправлять оружие.

– Вы чем-то обеспокоены? – почувствовал программист. словно у него, как у Шерлока Холмса, на кончиках ушей были особые тепловые точки, позволяющие «видеть» спиной.

– С чего вы взяли?

– Как говорят у меня на родине, скрыть волнение гораздо труднее, чем скрыть радость.

– Нет, все нормально. А где ваша родина?

– Я из Кизляра. Самый лучший город на свете... Правда! Город-сказка, город-мечта... Одна беда – работы нет. Пришлось сюда перебираться. Так что я, в некотором роде, компьютерный гастарбайтер. – Денис снова улыбнулся, и снова как-то грустно. – Однако, как говорится, вирусов бояться – в Сеть не ходить. Сам Билл Гейтс начинал свою карьеру с того, что сидел дома и писал программы для управления городскими светофорами...

Он замолчал, закрыл ноутбук и повернулся к Ирине.

– Увы, наш больной нуждается в интенсивной терапии. Придется вам некоторое время без компьютера побыть. Винчестер накрылся.

– Винчестер? – переспросила Ирина. – Кстати, почему такое название? Это же винтовка...

– Ну да. И к винтовке это название некоторое отношение имеет. Дело в том, что один из первых жестких дисков имел суммарную память шестьдесят мегабайт. Тридцать с одной стороны, тридцать с другой. В документах обозначался так: тридцать-дробь-тридцать. Точно такая же маркировка была и у винтовки Винчестера. Вот с тех пор и прилипло.

– Ой, как же я без компьютера?

– Да вы не волнуйтесь, я быстро. И расписку оставляю. У вас там никаких секретов нет?

– Каких секретов?

– Ну мало ли... – смутился Денис. – Личное что-нибудь... Просто мне дома работать удобнее, да и детали кое-какие нужны будут. Постараюсь за сутки управиться, заодно и хороший антивирусник установлю. А завтра вечером привезу, если не возражаете. Заодно и картины ваши сфотографирую, для аукциона. Здесь ведь штатив нужен, чтобы качественно вышло.

* * *

На этот раз Иван Николаевич Кленов исполнил Бетховена. «Судьба стучится в дверь». Потом еще раз взглянул на фотографию мужчины в джинсовом костюме и поднял глаза на Ирину:

– Точно он? Не ошибаешься? Они все на одно лицо. Лично я до сих пор дагестанца от ингуша отличить не могу.

– Нет, не ошиблась. В лагере я его дважды видела. Зовут – Руслан.

– А может, он и не брат Асият? Они там все – братья лесные...

– Не знаю... Может.

– Все сходится. В паре работают, – заявил разведчик Быков. – Тот еще в подъезд войти не успел, как этот уже на лавочке пост занял. Потом очкарик задернул штору, мигнул светом, и...

– Он картины хотел посмотреть! – перебила Ирина. – При искусственном освещении.

– Зачем? – возразил живописец Репин. – Я же их специально у окна развешивал, чтобы дневной свет...

– Да подождите вы с вашими шедеврами, дайте по делу договорить! – перебил деловой Леха. – Он что, шкаф должен был в окно выкидывать, чтобы сообщнику сигнал подать? Увидев на подоконнике шестнадцать утюгов, Штирлиц понял, что явка провалена... Естественно, нашел повод. А Руслан, увидев сигнал, моментально свалил. Пикассо следом пошел, но упустил. Потому что лох.

– Сам ты лох... Я, между прочим, не топтун, а взрывотехник, – возразил оскорбленный художник. – Да здесь и профессиональный топтун в одиночку ничего бы не сделал. Пока я с чердака спускался, его уже и след простыл.

– Да и черт с ним, – махнул рукой Кленов. – Главное, что вы его засекли. Личность установлена, так что – молодцы! Теперь реальная цепочка прослеживается... Значит, и Асият, скорее всего, здесь, в Юрьевске.

Командир отстучал мотив арии восточного гостя, затем снова обратил отеческий взор на Ирину:

– О чем он с тобой говорил?

– Так... Про картины, про кактусы...

– Какие кактусы? – не понял Репин.

– Двдцатиметровые. Вместо автографа своего лучше бы подписывал на картинах, что там нарисовано. На ходу пришлось выдумывать!

– Не переживай, Ир! – хохотнул Быков. – Наш Пикассо даже закат над морем так нарисует, что и за кактус сойдет, и за мадонну с младенцем. В зависимости от степени косоглазия.

Кленов поморщился и прервал сей диспут об искусстве:

– А про работу он не допытывался? Где, что... Может, намеки были какие?

– Да ни на что он не намекал, – сердито буркнула Ирина. – Только компьютером и занимался.

– Из него компьютерщик, как из Соломы балерина, – поморщился Репин. – Я же говорил: понимал бы, так за пять минут все бы исправил.

– Ну знаешь, – вспыхнула Ирина, – твои картины тоже не шедевр. Цвет еще туда-сюда, а композиция – ни к черту.

– Не путай творчество с ремеслом!

– Брек! – рывкнул Кленов и нехорошо посмотрел на Репина: – А ну-ка... У тебя на этом компьютере видеозаписи или фотографии какие-нибудь хранятся? Особенно личные, с пикников ваших?

– Ну есть, конечно. День милиции прошлогодний, когда Солома в кабаке на спор бутылку шампанского о свою башку разбил... Потом – день здоровья на майские. Солома тогда в командировке был, поэтому ничего интересного не произошло... Я ж эти записи всем на флешки скидывал.

– То-то и оно, что всем. За этим, видать, ему компьютер и нужен был. Все ваши рожи – крупным планом... Молодцы, нечего сказать! Соображать надо хоть чуть-чуть, что врагу подсовываете... Еще что там имеется?

– Больше ничего вроде. Пара стрелялок... Ну и...

– Что? – насторожилась Ирина.

– Киношка кое-какая.

– Какая киношка?

– Ну, в общем... Немецкая. «Дас ист фантастиш»... Но это не моя! У моей Ленки младший брат в возрасте полового созревания, вот он и развлекается.

– О, боже!.. – простонала Ирина.

– Ну хорошо хоть не «Ленин в Октябре».

* * *

«Ниндзя-очкарик» не разочаровал. Явился, как и обещал, следующим вечером. Вместе с ноутбуком. Ирина встретила его в той же пышной юбке, под которой удобно было прятать пистолет, только блузку поменяла, сохранив соотношение «темный низ – светлый верх». Блузку на этот раз надела персикового цвета. И бусы коралловые – чтоб от юбки отвлекали внимание.

– Теперь работает как часы, – похвалил свою работу мастер. – Я там еще хвосты кое-какие почистил, лицензионный антивирусник поставил. Пилотная версия. На год хватит, потом поменяю. И программку специальную загрузил. Фильмы можно смотреть в любом формате.

– Я на нем фильмы не смотрю, – торопливо заверила Ирина. «Теперь решит, что я – тайная любительница порнушки. Ну Репин, ну удружил. Пикассо недоделанный». И пояснила: – Глаза устают. Даже не знаю, есть тут какое-нибудь кино или нет. Компьютер с рук покупала, недавно, и что там от прежнего владельца...

– Не волнуйтесь, – с понимающей улыбкой перебил Малинин. – Машина хорошая.

– Спасибо. Сколько я вам должна?

– Что вы, Ирина! Мы ж договаривались. Это я ваш должник.

– Нет-нет! – возразила псевдохудожница. – Работа должна оплачиваться. У нас пока не коммунизм.

– В таком случае позвольте вас поздравить! Как сотый клиент компании, вы приобретаете право на бесплатное обслуживание в течение года. И, пожалуйста, не возражайте! Фирма «Майкрософт» в минувшем году потратила на рекламу больше полумиллиарда долларов. А они, как вы понимаете, денег на ветер не бросают. Я, конечно, не «Майкрософт», но тоже могу рассчитывать на определенную прибыль от рекламы. Вы, например, можете рекомендовать меня в качестве компьютерного мастера своим родственникам и знакомым. Так что мои интересы будут соблюдены...

В комнате повисла зловещая тишина, как в плохом триллере. «Реквием» Моцарта сейчас был бы подходящим фоном. Когда молчание стало совсем уж неловким, мастер нерешительно поднялся.

– Я... пойду?

– Да, – Ирина опустила глаза. – Спасибо вам еще раз!

Денис кивнул, подхватил свой кейс и направился в прихожую. Медленно, очень медленно. Стоп-кадр. На полпути, возле мольберта, не подозревая о предназначении лыжной палки, обернулся и застыл:

– Ирина... Я не знаю, как вы на это посмотрите... Извините, я вас обманул. Нет-нет, вы не подумайте! Просто... Компьютер ваш в полном порядке был. Так, небольшой сбой в программе. Я мог еще вчера его наладить, без проблем...

– И почему же не наладили? – Ирина с опаской посмотрела на наглеца.

– Знаете, такое бывает... – продолжил ниндзя-очкарик, – увидишь человека один раз, а потом нестерпимо хочется видеть его снова и снова... Вот... Даже сегодня схитрил. Обещал, что картины сфотографирую, а штатив с фотоаппаратом не взял. Не забыл, а оставил. Специально. Чтобы иметь повод еще раз к вам в гости напроситься... Смешно, да? Но, боюсь, если б я примитивно пригласил вас в ресторан, вы бы меня тупо послали.

– Ну почему же «тупо»?.. – растерянно улыбнулась Ирина. И тут же поправилась: – В смысле почему бы послала?

– То есть согласились бы? Тогда, может, сходим, а? Прямо сейчас!

Ирина огладила юбку, незаметно поправив съехавший пистолет...

Быков отложил бинокль и достал из кармана рацию.

– «Коробочка» – «Чердаку»!

– Слушаю! – отозвалась рация голосом Репина.

– Они уходят.

– Почему «они»?

– Потому что клиент вышел из комнаты, а Ирка сразу переодеваться начала, а потом подкрашиваться. Значит, вместе куда-то намылились... Слушай, а ножки у нее действительно классные! И не только ножки... но и ручки.

– погоди ты с ножками... Мы ж в эфире, мудила. Братец Иванушка где??

– Торчит во дворе, как обычно.

– Смотри за ним. Сестрица Аленушка тоже где-то здесь может пастись.

И снова Ирину пробил легкий мандраж. Даже руки дрожат – ресницы с трудом подкрасила. Да и зачем было их подкрашивать – макияж и так в полном порядке. А теперь вот тушь в комочки сбилась, надо расправлять. Ниндзя-журавлик ее явно волновал. И не только как вероятная угроза жизни.

Вот, черт... Может, зря она на эту авантюру с рестораном согласилась? Ребята, конечно, прикрывают, но могут ведь и не успеть... А она уже поплыла. Не может к нему относиться

просто как к объекту. Надо было все-таки его на улице попросить подождать. Обдумать все спокойно. Или ребятам позвонить – посоветоваться. Хотя о чем советовать? Что она – на него запала? А если он – по ее душу, если засланный казачок? Тогда мог что-то заподозрить... Отказаться? Нет, поздно уже. Да и как тогда узнаешь, что у него на уме? Киллер – не киллер? Ниндзя – не ниндзя? Пойди пойми этих мужиков. То ли дело – свои, на работе, тут все прозрачно и понятно. И что ее все на умников тянет? Нет чтоб попроще, поближе к телу. Тот же Лешка Быков, например, давно клинья подбивает. Ан нет, нам не мачо подавай с крутыми бицепсами, а нечто трепетное и волнующее. Что-то такое, что есть в этом парне и чего нет ни в Быкове, ни в других ее коллегах. Что? Может, как раз дно двойное? Она ведь тоже девушка непростая. Вот и встретились два одиночества – контрснайперша и ботаник. Или не ботаник...

Подкравшись к закрытой двери в коридор, Ирина прислушалась. Малинин, судя по свисту, по-прежнему поджидал ее там. Высвистывал он, как и Кленов, что-то из классики. Кажется, Грига, «Пещеру подземного короля». У нее эта тема была когда-то в мобильном.

Ирина задрала юбку, вновь продемонстрировав изящную ногу Репину (хотя и не задумывалась об этом), и потуже затянула ремешок, с помощью которого на бедро крепилась кобура ПСМ. Из такого разве что по голубям палить можно, а человека уложить – если только в упор и в глаз.

– Смотри, вон они! – толкнул Алексей Репина локтем. Оба уже переместились в салон черного «хундая», взятого художником-взрывотехником напрокат у собственной жены Ленки – земельной спекулянтки.

– Вижу... А следом – братец, как привязанный. Слушай, как бы они ее вдвоем не утащили. Без Асият.

– Я им уташу... – Быков поправил на поясе сумку с пистолетом. – Если Руслан к ним в тачку сядет, придется сразу крепить. У тебя ствол есть?

– И не один... А если не сядет?

– Если не сядет – пасем Ирку. Руслан никуда не денется.

Денис время от времени пытался изобразить из себя мачо – видимо, запал в душу типаж из американских боевиков. Получалось не очень. Образ крутого парня компьютерщику как-то не давался – видимо, потому, что он некстати начинал заикаться.

Ирину эти его попытки забавляли. Например, как он частника ловил. Широкий жест, дверь распахнул, а там – «лицо кавказской национальности». Ирина насторожилась. Подстава? Уже не до смеха. Рука на кобуре.

А ниндзя:

– К-командир, до границы подбросишь?

– Куда угодно, дорогой, – подхватил бомбила. – А дэнги ест?

– Об-бижаешь, ув-важаемый.

В салоне воняло дешевым табаком и потом. Р-романтика, блин. Ирина слегка расслабилась – на заднем сиденье ей было спокойнее, все под контролем. И атмосфера... Аура, если хотите. Вполне спокойно, без напрягов. Она-то в этом знает толк. Похоже, действительно обычный частник.

– Мадемуазель, ваше слово... – повернулся к ней Денис. – Какое злчное место вам хотелось бы посетить?

– О, в нашей прерии много забойных мест, – подхватила она игривый тон. – А я не прочь вкушать сладкой жизни. Ресторан «Дольче Вита» знаете?

– «Дольче Вита»? – загадочно усмехнулся Денис и покосился на нее. – Любопытное совпадение...

– Почему?

– Так... Впрочем, чему удивляться? Если Москва и Питер – города маленькие, то Юрьевск – просто микроскопический... – Денис повернулся к водителю: – «Дольче Вита»!

Водитель кивнул: кто ж, мол, не знает?

– Поехали!

Зал в стиле ретро навевал грусть. Ибо вложенные в дизайн средства априори должны отбиваться за счет нечастых гостей. А значит, и ценник здесь соответствующий. Мягкий свет, струившийся от зеркального потолка, белые стулья с высокими резными спинками, золотистые тканые скатерти на столах, изящные кружевные вазочки с горящими внутри свечками – настоящая сладкая жизнь в масштабах горького Юрьевска. Углы зала оживляли пальмы в деревянных кадках, а справа от входа на резном комод красовался настоящий граммофон с огромной, сияющей позолотой трубой. И – ни одного посетителя. Что позволяло сделать вывод: средняя стоимость блюда здесь приближается к прожиточному минимуму.

Похожий на пингвина официант, во фраке и с галстуком-бабочкой, подлетел к ним с дежурной улыбкой – причем Ирине показалось, что улыбка опережала его самого на несколько метров. Этаким «чеширский кот наоборот». Или тогда уж чеширский пингвин. Излучающий важность вкупе с показной приветливостью.

Полистав меню, Ирина хотела было, по обыкновению, посоветоваться насчет выбора с официантом. Но передумала – уж слишком надутым выглядел пингвин.

Выбрав приемлемое по цене вино – сицилийское, она хотела заказать два бокала, но спутник ее не поддержал.

– Мне сейчас алкоголь нельзя. Лекарства пью... Для меня апельсиновый сок, пожалуйста! Только самый обычный, не свежесжатый.

– Салат с морепродуктами. – Ирина ткнула пальцем в меню: – Вот этот, где тигровые креветки. И пасту по-сицилийски. С трюфелями...

– Мне то же, что и даме. – Денис повторил заказ.

Пингвин удалился, и Ирина перевела взгляд на нового знакомого. Тот выглядел слегка напряженным – может, сицилийская тематика навеяла? Вендетта вроде тоже оттуда?

– Вы не помните, слово «вендетта» – сицилийское?

– Нет, – оживился Денис, – корсиканское. На острове Корсика и родился этот прекрасный обычай кровной мести. На Корсику часто нападали разные народы – ради господства на Средиземном море. Как и поединок, вендетта – некий вид частной войны для защиты интересов или чести целого рода. Вендетта обычно направлена против обольстителя женщины, убийцы близкого родственника, ну и все в том же роде. Причем вендетта – процесс долгоиграющий. Может длиться месяцы и годы. А перед ее исполнением жертве посылается объявление войны. Кстати, вендетта вполне допускает применение военных хитростей – засад, тайных убийств, ну и так далее. Я вас не утомил?

– Ну что вы! Очень интересно.

«И поучительно, – добавила она про себя. – Эх он про вендетту заливает! Похоже, изучил предмет всесторонне. Особенно впечатляют засады и тайные убийства».

– А знаете, – почуввав интерес собеседницы, оживился Денис, – я, с вашей легкой руки, вчера в Инете про Мексику много читал. Действительно, очень интересная страна. Представляют, они даже мороженое с перцем делают.

– Зачем?

– Детей с малолетства к острому приучают. В Мексике насчитывается более ста сорока местных сортов чили. Там его почти во все блюда добавляют. А у ацтеков вообще гуманный обычай был: тому, кого приговаривали к смерти, предлагали самому выбрать способ казни: либо его убивают ножом, либо дают выпить отвар из плодов чили. И, представьте, большинство выбирало нож...

– Вот гад! – Репин злобно уставился в меню. – Не мог попроще кабак выбрать. Обязательно надо бабе пыль в глаза пустить. Россия – щедрая душа... Смотри: салат «Фондо марино» – тысяча двести порция. Ни фиги себе, «фондо»! На такие салатики никаких фондов не хватит.

– Ты-то чего прибедняешься? – усмехнулся Быков. – Вон, Ленка твоя на «хундае» ездит. Можешь и шикануть.

– В том-то и дело, что ездит на нем Ленка, а я – лишь пользуюсь... Когда разрешит. У нас бюджеты разные. Она тратит на себя, а я – на нее.

– Тогда давай минералку закажем.

– Полтора рэ за пузырек? У меня еще крыша не съехала.

А к столику уже подобрался похожий на пингвина официант – тот же, что обслуживал Дениса с Ириной.

– Господа что-нибудь выбрали?

– Господа хотят просто посидеть, – буркнул Толик.

– Извините, но просто посидеть – это в парке.

– Да у нас тут встреча назначена. Хозяин придет, тогда определимся, и...

– Вы нам для начала пива с сухариками принесите, – перебил коллегу Быков. И, полистав меню, уточнил: – С итальянскими!

Ирина пододвинула поближе к себе пробку от вина. И вытащила зубочистку. Леха Быков как-то рассказал, что убить плохого человека можно и зубочисткой. И даже показал как. Одним концом зубочистка втыкается в пробку из-под вина, потом пробка зажимается в кулак наподобие стилета. И наносится удар в нужное место. Глаз, шею... Конечно, она не собиралась убивать спутника, но пробочку лучше держать под рукой.

Спутник же пригубил бокал с соком и опять принялся блистать эрудицией. На этот раз тему выбрал полиричней, чем вендетта и отрубленные ацтекские головы. Видно, сок подействовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.